

The background of the image is a stack of several sheets of old, yellowed, and crumpled paper. The papers are layered, with some edges visible on the left side. A black rectangular box is overlaid on the right side of the image, containing white text. The text is in Russian and appears to be the title and author of a book or document.

СТАНИС ФАБ

ИСТОРИЯ ОБ ОФОРТАХ

Станис Фаб

История об офортах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11277360

ISBN 978-5-4474-1549-5

Аннотация

Новая повесть Станиса Фаба – это спираль событий, которые возникают в жизни героя неожиданно и самым необычным образом. Книжная публикация становится прологом, на первый взгляд, невероятной игры. Хитрость и коварство плетут свою игру, но дружба и любовь в итоге помогают разрушить планы мошенников. Легкое чтение, вместе с тем закрученный сюжет – настоящая детективная история.

Содержание

Глава первая. Повестка	5
Глава вторая. Селиночка, давай по порядку!	11
Глава третья. Савелий, Спицын и Адель	16
Глава четвертая. Савелий начинает и проигрывает	28
Глава пятая. Простой аферист Майков	44
Глава шестая. Тайна музейного подвала	54
Глава седьмая. Селина превращается в детектива	67
Глава восьмая. Майков начинает действовать	76
Конец ознакомительного фрагмента.	90

История об офортах

Станис Фаб

© Станис Фаб, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава первая. Повестка

На вид невзрачная четвертушка бумаги. На верхнем поле единственное слово – «Повестка». Повертев ее, он непроизвольно хмыкнул от первой же пришедшей мысли: «А я-то тут причем?!»

«Повестка»! Надо же, как просто она выглядит. «Повестка» в суд!

Разволновался от неожиданности так, что расписался в получении не там, вдобавок перепутал число и месяц.

Почтовый служба расстроился тоже: опрятный документ после исправления, уже чуть помятый, потерял свой торжественно-официальный вид.

Он с укоризной поглядывал на получателя, потому что веровал: судебные повестки по ошибке не приходят. И нечего закатывать глаза, недоуменно пожимать плечами, нечего делать вид, что «ты» тут не причем. Чижевский – Чижевский! Вигдор Борисович – он самый. Ну так получите, распишитесь и явитесь. И не виляйте, как вас там, Вигдор Борисович. Поди страшное преступление за вами, вишь как разволновался.

Почтальон произнес все это про себя, сверля глазками адресата, и ушел молча захлопнув дверь. Остановился и прислушался: клиент все еще был по ту сторону у двери? Интересно, что он предпримет: сразу бросится звонить друзьям,

а то и в суд, выяснять, с чего бы это его туда!

Вигдор Борисович и впрямь стоял за дверью. Стоял как вкопанный, перечитывая несколько строчек, пытаюсь разгадать тайный смысл, вложенный в стандартные «Вам надлежит явиться...».

«Его взяли врасплох», – мрачно пошутил он, иронически оценивая ситуацию. Все, день убит напрочь, а сколько замечательных дел намечалось. Ну почему именно сегодня, именно сейчас?! Ведь мог бы уйти на пять минут раньше и тогда все было бы иначе...

Он машинально сунул повестку в портфель «до выяснения обстоятельств дела».

...В машине по инерции Вигдор пытался «придумать» план дня, но куда там! В голове как заноза сидел этот клочок бумажки, призывающий его в «другую» жизнь, не сулящий ничего, кроме потери времени и нервов. И ко всему прочему теперь начался бесконечный самоанализ: он перебирал все свои вины и проступки за последние годы, пытаюсь отгадать, за какие из них его хотят теперь призвать к ответу.

Конечно, Вигдор мог бы согласиться, что ошибался и не раз, но даже это «сознательное раскаяние» не приоткрывало тайну и даже не намекало на проступок, за который могли призвать к судебному ответу.

Ага, ну вот и началось! В голове потихоньку кто-то неизвестный поставил пластиночку с навязчивым речитативом: «Встать! Суд идет!».

Если бы белый клочок «упомянул» предприятие, где он директорствовал... чего уж там, кто не работает, тот не ошибается. Ну, тогда нужно было звонить Селине – юристу компании и с ходу задавать вопросы. Но про компанию в повестке не было ни слова. Значит, контора тут ни причем и Битиной звонить спозаранку нет никакой надобности.

Значит, ошибки нет. Значит, обвиняют именно его. Даже его фантазии не хватало, чтобы придумать повод для суда.

Впрочем, при любом раскладе Селине не «отвертеться». Я – это компания, а компания мое второе «я». Раз так, пусть «вкручивается».

После стольких лет совместной работы Чижевский не мог не доверять ей. В голове пронеслось: «Доверять как себе». И тут же скривился – он знал свой мозг – теперь кто-то спрятанный в голове, вслед за «Встать! Суд идет!» будет время от времени «постукивать», чтобы определиться по понятиям, а именно, что значит «доверять как себе».

– Бред, бред, бред! Еще ничего, а уже психоз, надо брать себя в руки.

Он «крикнул» тому, кто «спрятался» в голове и «постукивал» – «замолчи немедленно, пока я тебя не выкинул из головы», ибо представил, что если «стучащий» не угомонится, то вскоре откроет огонь из всех орудий...

...В офисе в это время сотрудников нет. Состояние полного покоя и тишины продлится до 9 часов 30 минут и закончится с боем часов – машины из гаечек, молоточков, пружин...

жинок, сапфировых винтиков...

Эти полчаса утреннего одиночества так приятны и невинны. Только он и только эти полчаса тишины были в его полном владении безраздельно... (В голове предательски рождалась антитеза: тишина безраздельно владела им.)

Ах, как быстро пролетает то, что радует. Скоро раздастся офисная азбука Морзе, которую на все голоса отстучат каблучки в длинном коридоре. Господин Чижевский, рабочий день начался.

...В кабинет впорхнула Селина – улыбка на все лицо, сигаретка в руке, звонкое приветствие: «Мечты сбываются?!»

Ответ может и должен быть один и тот же: «Ага», что означало: «Все нормально, ничего из рук вон выходящего не произошло, офис стоит на месте, потрясений и катаклизмов не случилось».

Но так он должен отвечать в обычный день, когда добропорядочным гражданам спозаранку не вручают повестку в суд.

Сегодня в ответ на приветствие последовало глубокомысленное молчание.

– Это что-то новенькое, босс. Ты на самом деле так мрачен или просто решил изменить приветственный ритуал.

– Какой к черту ритуал! Меня в суд вызывают. С утра суют повестку! А я даже понятия не имею, за что.

На Селину эта реплика впечатления не произвела. Чтобы отреагировать на столь нелепую тираду, ей требовались по-

дробности.

– Да не знаю я. Вот хоть убей, не знаю, чем государство прогневал.

Селина машинально набрала внутренний номер телефона.

– Финансы-романсы, вы? — Ага, доброе, чересчур, я бы сказала. А что у нас, налоги плачены, зарплата отдана?

После секундной паузы многозначительным жестом и хорошо поставленным голосом Селина отчеканила: «Плачено – недоплачено – по чуть-чуть затрачено. За такую мелочь в суд не вызывают».

– Вы что, сговорились все с утра судом пугать!

– Господи, это я так, каламбурю. Нервный ты какой-то, с утра, просто заряженный на негатив. Сей секунд разбираться начнем. Господи, напугали ежа голой жопой. Повестка! Суд! Суд, чтоб ты знал, он справедливый самый. Ты же ничего плохого не сделал?

Вигдор посмотрел на Селину со зверской улыбкой.

– Я поняла и слов не надо.

В прошлой своей жизни, до работы у Чижевского, Селина была прокурорским работником с высокой должностью и низкой зарплатой. Зачем она оставила ее, он в подробностях не знал. Но догадывался, что все случилось в лихие девяностые, когда у государства на всех не хватало денег и на бюджетников в первую очередь. Вот Селина и попала под эту раздачу. А у нее три малолетки и ни одного мужа.

Тут уж не до погон и престижа.

Она стала юристом в его частной компании, которая, как могла, крутилась, но зарплату платила день в день при любых раскладах.

...Селина молчала. Просто стояла и молчала. И он знал, что она принимает решение. Возможно, она уже сложила в уме целый план: кому звонить, с кем встречаться, какие документы требовать по этому пока еще совершенно неясному делу.

– Значит так, Вигдор. Тишина. Объявляю час тишины. Не будоражь народ и клиентов. Повесточку дай.

Листик перекидывал из его кармана в нежные ручки Селины. Она даже не взглянула на нее.

– Через часик все расскажу. Пойду с телефоном пообщаюсь.

Он облегченно вздохнул и как-то сразу успокоился – Селина все сделает. А может, это просто судебная ошибка, досадное недоразумение?! И он уже предвкушал, какой скандал закатит председателю суда. Не будет честной народ пугать спозаранку!

Глава вторая. Селиночка, давай по порядку!

За 32 дня до судебного процесса

...Селина не просто влетела в кабинет, как она это делала обычно. Обычно выглядело так: дверная ручка неожиданно проворачивалась, дверь рвалась с петель, ярко-рыжая копна волос делала шаг вперед, а бедная дверь падала назад в обойму, сотрясая дверной проем, косяк и все, что к нему относилось. Далее Селина резко разворачивала кресло у приставного стола, грациозно падала в него, успев «поймать» юбку, закинуть ногу на ногу и даже чиркнуть зажигалкой у сигареты. И все это происходило без какой-либо заминки, грациозно и, можно сказать, органично.

Но сейчас она появилась без заметного драйва. Он даже не успел сказать свое традиционное – «сумасшедшая», поскольку понял: ей уже что-то известно.

– Ну что, «писхатель», – вкрадчиво и в то же время иронично начала Селина, отчего Вигдор понял – походом в ресторан и обычной премией не отделаться.

– Я кое-что разузнала, ты влетел.

Чижевский весь подобрался и приготовился узнать о страшном злодеянии, совершенном им неизвестно когда

и как.

– Да, да, да. Ты влетел, мы все влетели. Они хотят тебе как «физику», а нам как «юрикам» выставить неприлично приличный счет...

Вигдор напрягся, поскольку не понял, куда и за что «влетел». И также ожидаемо наконец заорал.

– Кто-нибудь может, наконец, объяснить, что тут происходит?!

Селина, никак не отреагировав на его вопль, все так же вкрадчиво язвительно продолжала.

– Так вот, они хотят конкретно с тебя и компании, – тебе в рублях сказать или в валюте? Ясно, тебе все равно, в какой монете платить. Так вот, с нас, то есть с вас, а черт, с тебя и компании хотят 100 тысяч евриков, или чуть больше семи миллионов в рублях. Точнее можно будет сказать на момент расчетов. Курс валюты, сам понимаешь, плавает...

Как ни странно, Вигдор с облегчением вздохнул и выдохнул.

– Значит, все-таки деньги. То есть руки-ноги, не говоря о жизни, забирать не станут? Тогда давай по-порядку, по порядку, давай для особо одаренных, что тут, там, здесь происходит? Давай с паузами и ударениями. И не дыми, ради бога, прямо на меня. Ты же знаешь, я уже месяц не курю.

– Ха-ха-ха. Теперь закуришь! По порядку так по порядку, господин «писхатель». Только для начала принеси свою последнюю книгу про наш любимый город, так сказать, для

наглядности. Считай, мы с тобой следственный эксперимент проводить будем.

Он все еще не понимал, к чему клонит Силина, но послушно встал из-за стола, ушел в «темнушку», одновременно склад, архив и хранилище различной офисной требухи и вернулся с книгой, которой действительно гордился.

Селина явно входила в роль. Она взяла фолиант, картинно согнувшись под его тяжестью.

– Твоя книга, Вигдор?

– Не валяй комедию, знаешь ведь, моя.

– Тогда открывай страницу 70, 92, 164, 172, 208, 412.

Он машинально листал перечисленные страницы, но, убей бог, не находил связи между повесткой в суд, рублей и историей любимого города.

– Мда, сильно запущено. Этот орешек вам, товарищ «писатель», вот так, без подготовки, раскусить сложно.

Селине явно нравилась роль следователя и адвоката в одном лице.

А он даже поежился, представив, насколько правдоподобно играла она. «Дай такой волю», – пронеслось в голове.

– Кто автор иллюстраций на указанных страницах?

– Автор иллюстраций на страницах, которые ты называла? – машинально переспросил Вигдор и так же машинально без всякой догадки ответил: – Спицын. Александр Петрович Спицын. Известный местный художник, мастер офорта, графики...

– Аааа, – протянула Силина. – Мастер, значит, графики. И в книге тоже графика?!

– Ну да.

– А согласие на публикацию этих своих офортов он тебе письменно давал? Авторский договор ты с ним подписывал?

– Договор?! Господи, эта книга писалась лет десять назад. Какие договора, тогда даже термина такого не было. Насколько я помню, Савелий Кокорев попросил у Спицына несколько его офортов для иллюстрации старого Лесовска.

Только сейчас Вигдор стал понимать, куда клонит Селина.

Вигдор не просто засмеялся. Он истерически захохотал, словно бы все клоуны мира слетелись на одну минуту, чтобы рассмешить его.

– Ну, слава богу, гора с плеч. Сейчас же позвоню ему и переговорю. Это же какое-то недоразумение, бред, ошибка. Мы знакомы, милейший человек! И потом, погоди, книгу оформлял Савелий Кокорев. Он все знает лучше нашего. В его работу я никогда не лез и даже не спорил с ним – художнику виднее!

Селина стала злой еще в начале вигдоровского монолога, к концу она просто раскачивалась на кресле, глядя на него не мигая, и по выражению ее лица можно было прочесть, что она с трудом выслушивает его тирады.

– Все? Закончил? Теперь, товарищ «писхатель», слушай, вникай, разумея. На тебя лично и на твою контору конкретно подал в суд милейший человек, Александр Петрович Спи-

цын. Он желает получить с тебя и компании в общем и целом сто тысяч евро или более семи миллионов рублей. Ведь это твое расчудесное предприятие стоит в выходных данных чудесной книги о старом Лесовске. Соответственно значится как издатель. И это еще не все. Он нанял представителя – адвоката, а сам милейший и почтеннейший художник, дабы не встречаться с тобой, уехал, по словам семьи, в длительную больничную командировку. Но и это еще не все. Дела по авторским правам самые темные и запутанные. И, как правило, заканчиваются в пользу заявителей, то есть истцов.

Вигдор как-то разом сник, получив, наконец, пусть и в общих чертах, ясность, в чем его обвиняют.

– Селина, перестань меня пугать и загонять в угол. Все было с согласия Спицына. Откуда у меня столько денег, ты знаешь, мы не ворует и платим налоги.

Селина молча ткнула пальцем в титульный лист, туда, где стояли выходные данные.

– Ты так ничего и не понял?..

Нет, он понял все.

– Понял, понял, понял... Я хочу подумать. Мне нужно время. Устрой в судебном процессе перерыв. Или как там это называется, отложи, перенеси заседание. Мне нужно вспомнить, как все было...

– Судебное заседание назначено на 2-е число. Так что впреди у нас ровно тридцать два дня на подготовку, воспоминания, уточнение и прочие процедуры.

Глава третья. Савелий, Спицын и Адель

За год до судебного процесса

Лет десять назад, без каких-нибудь месяцев и недель, он закончил писать книгу о Лесовске. Работал над ней долго, складывая страницы из новых материалов, так что приходилось много просиживать в архивах и библиотеках. Вигдор мечтал рассказать о городе так, как еще ни делал никто. С художником Савелием Кокоревым познакомились случайно, на одном из фуршетов, которым обязательно заканчивалась любая мало-мальски значимая презентация. Этих презентаций в девяностые была такая тьма, что при хорошей сноровке можно было вообще перестать ходить по магазинам и выбросить холодильник. Каждый день поили и кормили как минимум в четырех-пяти местах. Вот там-то хороший поэт Косенков и представил ему хорошего художника Кокорева. Слово за слово, и художник загорелся. На следующий же день забрал рукопись и пропал... ровно на полгода. А когда, наконец, появился, Вигдор просто ахнул, до чего же хорошо выглядела его книга в оформлении Савелия Кокорева.

С художником они в итоге стали приятельствовать. Как говорится, основательно. Вигдор часто бывал в его мастер-

ской – обычной малометражке на последнем этаже жилого дома, которая просто блистала творческим беспорядком и одиночеством. Слово «блистать» употреблено не случайно. Иногда он встречал там натурщицу, которую звали Адель. И тогда Вигдору казалось, что мастерская и впрямь блистает, так хороша была эта девушка.

В тот раз он забрел к Кокореву не случайно – хотел справиться, как идет оформление книги. Адель позировала в тунике римлянки. Художник курил и рисовал.

На Вигдора оба отреагировали почти одинаково – никак, даже когда он предложил проветрить мастерскую от табачного дыма и, не дождавшись ответа, все-таки распахнул форточку. Савелий сосредоточенно работал, ему не хотелось отвлекаться, он жестом руки, в которой была зажата кисть, предложил Вигдору отправиться на кухню, пробасив: «Еще полчаса, попей пока кофейку, клиент послал растворимый „Пеле“. Говорят, полнейший деф-цит».

Он тихонько прошел за «деф-цитом», вознамерясь понаблюдать за работой Кокорева, но очень скоро понял, что притягивает его именно Адель. Каким-то «боковым» зрением Савелий уловил, «кто» есть магнит в этой мастерской и, хохотнув, пробасил: «Адель, между прочим, Вигдор хороший писатель, позволь ему пялиться на тебя легально, а то, ей богу, уйдет отсюда косоглазым».

Адель не произнесла ни слова. Поняв, что натурщица не склонна включаться в общение, Савелий решил упро-

стить ситуацию по-своему.

– Вигдор, а не желаешь ли зайти к моему соседу по площадке. Прекрасный график, скажу я тебе. Посмотришь работы. Старый Лесовск на его офортах оживает. Может быть, что-то глянется для книги? Я рассказывал ему о тебе. Он сегодня работает и, кажется, трезв не в меру.

Вигдор все понял и последовал совету, тем более предложение и в самом деле показалось интересным.

– Ты только на меня сошлись, – прокричал вслед Савелий.

...Дверь открыл человек, о которых принято говорить «мужчина без возраста». То, что он художник, можно было догадаться сразу: из прихожей пахло теми особенными запахами, что создают бумага, холст и краски.

Высокий, статный, с округлой седой бородой, пышные усы. Глаза... да, глаза – он запомнил их сразу – желто-коричневые. Он еще подумал тогда, что вот такие, вероятно, могут быть у степного волка. Вигдор никогда не видел живого волка и не знал, какие на самом деле у хищника глаза, но ему почему то подумалось, что они могут быть именно такие.

И вот эти желтовато-коричневые глаза застыли в прищуре и буравили, не моргая, пока Вигдор не произнес:

– Я, собственно, от Савелия, вашего соседа. Вигдор Чижевский, писатель. Он рекомендовал вас как знатока местной старины. Если не возражаете, я бы с удовольствием посмотрел ваш старый город.

Спицын все так же молча подался назад, приглашая таким образом в мастерскую.

– Что ж сразу не сказали, мало кто в дверь звонит. Теперь чаще не соседи и почтальоны, а наркоманы в гости «просят-ся». Заходите, посмотреть есть что. Будем знакомы, Спицын. Спицын Александр Петрович.

...Мастерские художников для Вигдора всегда были откровением. Он частенько бывал в этих странных с точки зрения «не художников» квартирах, заставленных багетами, рамками, старой мебелью, сколоченными стеллажами. Все тут с точки зрения «нормального» человека выглядело несуразно и, пожалуй, неуютно.

Но им так было удобно. Вот объявят завтра аукцион или выставку-продажу, и самый большой выставочный зал в городе моментально наполнится картинами. Их извлекут из неприбранных мастерских, оденут в дорогие багеты, развешат по стенам и они начнут другую жизнь...

...У Спицына же было на удивление уютно. Посреди мастерской стол пресс. Конечно, ведь Спицын график, и на этом станке рождаются офорты. Все стены здесь заняты ими.

– Красиво, – не удержался Вигдор, остановившись перед картинами в овальных рамках.

– Это серия иркутских старожилов. Когда-то за ними охотились коллекционеры. Сейчас эта тема вышла из моды.

Чуть поодаль от пресса на большом столе, сбитом из двух

цельных кедровых плах, отполированных до блеска, лежали горой оттиски.

– Хотите что-то купить – выбирайте, все экземпляры из первых оттисков. Отдам дешево, нынче графика не в моде. Буду признателен.

понимающе кивнул. Он знал, копии первой сотни наиболее ценные.

– Раньше такого не было, работы раскупались быстро. Сейчас на искусство у граждан денег нет. Говорят, во всем виноват кризис. А мне то что до кризиса, я больше ничего не умею, кроме рисования. Даже дарить стало некому – никто никуда не приглашает. Получается, работаю в стол, – Спицын кивнул на гору оттисков, – точнее, на стол. Даже дни рождения перестали отмечать. Сплошные презентации и фуршеты. Ну, странно ведь ходить на эти вечеринки с офортами. Я вам так скажу, настоящее искусство погибает. Все что угодно в золотом багете! Это еще куда ни шло, продается. Богатство рамки правит вкусами. Графика – дело тонкое, изящное. Она не слепит как лампочка. Я, кстати, уже второй год не плачу за свет в мастерской. Смотрите, выбирайте, отдам недорого.

Спицын обреченно вздохнул.

– Говорите, Савелий прислал.

– Савелий.

– Я помню, он рассказывал, вы сочинили книгу о Лесовске и хотите взять для оформления мои работы. Берите, не жал-

ко. Хотя какое-то движение. Опять же реклама. Тираж будет приличным?

– Надеюсь... Пару тысяч.

– По нынешним временам немало. Это раньше станок работал день и ночь, а добрую книгу все равно сыскать было невозможно. При социализме дефицит был великой силой, лучше хваленой конкуренции. Полнейшая реализация, особенно в области пищеπροма, – художник тихо рассмеялся. – Ладно, смотрите, откладывайте.

Вигдор придвинул стопку офортов и стал осторожно разбирать ее картинку за картинкой.

Рисунки Спицына ему сразу понравились. Лист – улица, лист – городской пейзаж, скверик, фасад дома. Все узнаваемо до мельчайших подробностей...

На какое-то мгновение он перестал слышал Спицына, забыл, что находится в мастерской...

...Домики, дворики, какие-то совсем уже разрушенные строения, в которых едва-едва угадывались некогда городские достопримечательности, а сейчас всего лишь развалины былой гордости купеческих династий.

Все его рисунки словно фотографии, которые проявляют схваченные мгновения.

...Вигдор машинально выложил из них улицу и ему показалось – она ожила. Он почувствовал и печной дым, и скрип пролетки, и движение занавесок в большом двухэтажном здании с вывеской «Гостиница «Континенталь», а старик

с шарманкой, разве он не подмигнул ему, вращая ручку своего инструмента.

Спицын стоял рядом так же молча, как и в первые мгновения их знакомства, и не мигая смотрел на «построенную» Чижевским улицу.

– Забавно получилось. Купите эту улицу целиком, – тихо попросил Спицын. – Купите, много уступлю в цене, отдам практически за так. Никто ныне не хочет брать офорты. Наше древнее искусство позаброшено и позабыто. За свет нечем вот платить.

– Да, да, конечно. Эту улицу приобрету обязательно. Вигдор кивнул на сложенную из рисунков «бумажную ленту».

– Любопытный подход, так мои работы еще никто не брал. Конструктор какой-то, но в этом что-то есть, надо подумать, может, это поможет поправить дело. А вот эти рисунки я вам дарю.

Спицын, не глядя, взял с соседней стопки пачку оттисков:

– Будете дарить на Новый год знакомым. Да, Новый год совсем скоро. Надо за свет оплачивать, а то придется в темноте встречать.

Вигдор даже не пытался отказываться, так все естественно и непринужденно складывалось в мастерской Спицына.

– Спасибо, я буду рассказывать всем своим знакомым о ваши офортах. Пусть покупают к Новому году и к Рождеству, к восьмому марта и остальным праздникам. Чудесные работы и отличный подарок. И конечно, спасибо за то, что

разрешили Савелию поместить в книгу несколько ваших чудесных работ.

– Ну, это к обоюдной выгоде. Реклама нашего ремесла особенно сейчас необходима. Савелий просил подобрать для него старый город. Но пусть сделает это сам. Я не хочу навязывать художнику свой взгляд.

А вот случится у вас новая книга, не премините сообщить, буду рад поработать над ней с интересом.

...Вигдор вернулся в мастерскую Савелия. Кокорев сидел в той части помещения, которую словно бы в насмешку называл «Китайкой» или «кухонным раем». «Кухонный рай» был обычной выгородкой из двух китайских ширм, купленных на местной шанхайке – здешнем мелочном рынке. В кокоревском «кухонном раю» стояла со времен постройки дома электрическая плита, уже несуществующего завода, выданная ЖЭКом по случаю, колченогий стол и два таких же стула. Видавший виды кофейник не вызывал приятного аппетита. Куча тарелок, вилок, ложек вперемешку с продуктами занимали весь широкий подоконник. Савелий любил путешествовать и тащил из-за границы всякую старину. Благо картины его раскупались хорошо и недостатка в деньгах не было.

Перед Савелием стояла огромная кофейная чашка, больше похожая на вазу для цветов. Художник медленно и маленькими глоточками отпивал из нее кофе, делая очередную затяжку сигаретой.

– Савелий, ты вливаешь в себя столько кофе, что, боюсь, не успеешь закончить оформление книги, ты просто окочуришься от табака и кофеина. Хотя бы молока плесни.

Савелий махнул рукой и показал на стул.

– Ладно, тоже мне армия спасения. Это для разогрева. Сегодня придется работать всю ночь. Халтурка привалила. Картина на тему «Директор хладокомбината в интерьере», так сказать. Дружный коллектив к юбилею шефа заказал подарок – портрет на фоне продукции. Портрет по фотографии. Ну как тут без допинга обойтись? Да вот, смотри, какой очаровашка. Любовь народная без границ. Мне из него донна нужно слепить, ибо если коллективу не понравится моя работа, обещали заморозить. Так что благодаря этой кастрюльке кофе я сделаю из него настоящего Педро дон Бермудо.

– Адель, а ты чего там притихла. Вот, Вигдор, такая хорошая девочка. Умница, студентка. И вся в работе. Рисовать с нее одно удовольствие. Какой бы заказ я не принял, всегда начинаю с Адели, она вдохновляет мои глаза и руки. Адель, иди к нам, ну что ты там одна.

Адель появилась так тихо, словно бы материализовалась в мгновение.

– Вигдор, проводишь Адель? Ну, проводи. Попей кофейку и проводи. Не вредничай. У меня, видишь, срочный заказ донна Педро, сопряженный с опасностью для жизни! Адельюшка, этот интеллигентный дядька проводит.

Понимаешь, Вигдор, у меня такой принцип. Натурщицу я

всегда провожаю до остановки.

...Овальное личико, светлые, очень светлые волосы соломенного цвета. Длинные ресницы тоже светлые-светлые. Адель излучала спокойствие совершенно инородное для этого богемно-запущенного интерьера.

Все время, пока Савелий говорил, она смотрела на Вигдора и молчала.

– Адель, Вигдор проводит тебя, – снова буркнул Савелий. – Идите, пожалуйста, я должен батрачить на новый мир.

Адель так же молча направилась к выходу. Вигдор за ней, недоуменно пожав плечами. Что тут скажешь, с художниками и дизайнерами он никогда не спорил. Мир они видели как-то иначе, чем все остальные. И если уж честно, то в голове его возникла совсем иная мысль: у них роман или исключительно деловые отношения художника и натурщицы. А спустя пару минут он подумал, что с Адель даже молча начинаешь испытывать какой-то эмоциональный уют.

...Они молча вышли из подъезда и также молча побрели к остановке. Адель взяла его под руку. И сделала это так просто и неожиданно, что Вигдор даже не удивился, словно бы это не первая их прогулка.

Адель заговорила первой.

– Я видела, вы смотрели на меня внимательно, разглядывали или изучали. Наверное, осуждаете? Я учусь на филолога, а у Кокорева подрабатываю. Все деньги уходят на врачей, лекарства и хорошее питание. Мама плохо себя чув-

ствует. Кокорев не жадный и платит хорошо. Выучусь, и мы уедем в деревню. Врачи говорят, там ей будет лучше. Я хотела устроиться в школу, но там такие гроши дают! Ведь, правда, я красивая?

– Вы очень красивая, Адель. И очень заботливая. Мама ваша обязательно поправится. Я, к сожалению, не художник, рисовать не могу совсем.

– А кто вы?

– Ну, скажем так, краевед.

Адель засмеялась:

– Вы читатель или писатель?

– Всего понемножку.

– А мне Савелий про вас рассказывал. Вспоминал как-то про жуткие годы, когда вы вместе давали представления моментального рисования. За вечер, говорил, нередко по 15—20 моментальных портретов делал! Неужели правда?

– Всякое бывало. Все рухнуло в одночасье, и каждый выбирался как мог. Но я те поездки вспоминаю с удовольствием. Весело было!

Какой-то у нас уж очень серьезный разговор пошел.

– А мне нравятся серьезные разговоры...

Потом они шли молча, словно бы знали друг друга давным давно и уже успели наговориться.

...Долго ждали трамвая. Наконец, громыхая всеми своими железками, появился вагончик. Вигдор помог Адели запрыгнуть на ступеньку. Забавно, но молчание сближает лю-

дей зачастую быстрее и сильнее всяких разговоров. И когда он нежно поцеловал ее в щечку на прощание, это получилось легко и не вызывало никакой двусмысленности. Адель уехала, а он еще долго сидел на остановочной лавочке...

Глава четвертая. Савелий начинает и проигрывает

За 31 день до судебного процесса

...Раздался телефонный звонок, наглый, требовательный.

Брать телефон не хотелось, словно была уверенность, что ничего хорошего из трубки он не услышит (и ведь не ошибся же!). Попробуй потом сказать, что предчувствия нет или оно всегда обманывает.

Голос был чужим и незнакомым. Вигдор сразу понял: такие голоса – мельтешащие, скороговорящие – ему не нравятся.

– Вигдор Борисович! Здравствуйте!

– Здравствуйте, извините, не узнал, мы знакомы?

– Не было повода, не было. А так, я бы сказал, заочно о вас уже многое знаю. Я представляю интересы Александра Петровича Спицына. Вам известен такой большой художник?

Вигдор молчал, собираясь с мыслями. Почему-то его в данный момент занимало, можно ли один разговор считать знакомством?

– Алло, Виг-дор Бори-со-вич! Вы слышите меня?

– Слышу. Что вы хотите, что за дурацкая история с судом?

Что желает большой художник Спицын?

– Сколько вопросов сразу. Все, что мы хотели, так это справедливо и исключительно мирно уладить возникшие трудности. О чем и попросили суд.

– Значит, деньги?

– Нам больше нравится термин гонорар.

– Разве я что-то заказывал художнику Спицыну?

– Разумеется, нет. Вы просто опубликовали его лучшие произведения без авторского договора. И мой клиент хотел бы получить денежную компенсацию в досудебном порядке.

Опять воцарилось молчание.

– Вигдор Борисович, вы слышите меня?

– Слышу? Нет, я вас чую. Научился распознавать аферистов по голосу. Какие лучшие произведения Спицына? Как это без согласия? Он сам предложил художнику Савелию Кокореву взять несколько офортов для оформления. И раз уж вы представитель Спицына, вы должны знать об этом не хуже моего.

– Вигдор Борисович, любое знание дополняется последующим и отступает перед обстоятельствами. Напрасно вы так, Вигдор Борисович, напрасно. Что для вас и вашей компании какие-то сто тысяч евро? Вы разоритесь? Вы потеряете все? Отдайте моему клиенту деньги, и расстанемся хорошими друзьями.

Неожиданно для себя Вигдор расхохотался. Он смеялся так искренне и непринужденно, видимо, представив себе,

что-то действительно очень веселое.

– Гонорар, значит, всего-то ничего сто штук европейских фантиков. Кажется, цена трешки в Лесовске. Я слышал, жил-площадь у нас такая же дорогая, как в столице. А что, разве вашему клиенту негде жить? Бедный-бедный художник! Я могу пригласить пожить его в своей квартире, потеснюсь ради талантливого человека. Слышите, пусть переезжает хоть завтра, да нет, лучше сегодня, сейчас.

Ладно, господа вымогатели, спецпредставители и посланники, давайте встречаться. Будем вести разговоры. В обед, ресторан «Фантазия» устроит? В два часа, у меня в это время биологический сигнал «кушать подано». И вот еще что, за обед платите вы. С такими-то запросами по сто тысяч евро за пару оттисков поди не обеднеете.

Вигдор кинул трубку и тут же пожалел об этом. Конечно, этот поступок – проявление слабости. Но какая наглость, вот так среди белого дня требовать деньги ни за что ни про что. Надо Кокореву звонить, чего он там учудил.

Савелий долго не подходил к телефону. Вигдор набирал номер несколько раз, и уже было оставил это занятие, но долгий гудок все-таки прервался. На том конце провода что-то гроыхнуло, застучало и, наконец, раздался голос Савелия.

– Вигдор... ты убийца, ты же не можешь так издаваться над приятелем. Я уснул только под утро...

– Савелий! У меня вдруг образовалась проблема. У нас вдруг образовалась серьезная проблема! Она тревожит и ме-

шает смотреть на жизнь добрыми глазами.

– Как у вас сочинителей все запущено. Ладно, а чего по телефону, приезжай, пока ты в пути, я хоть полчаса оторву. Заодно проводишь Адель до остановки...

– Савелий!

– Вигдор, чтоб я так жил, упаси бог. Ты же знаешь, я с натурщицами только работаю. Я на кухонке сплю, она на диванчике. Поздно вчера уже было провожать, заработался. Адель! А-де-ль! Ты хочешь послушать фантазии моего друга писателя? – Вигдор, Адель не возражает выслушать тебя самым внимательным образом. Она с радостью вспомнила, что ты давненько не работал джентельменом. Так что давай, гребь к нам. Двух внимательных слушателей ты уже имеешь.

...Савелий открыл дверь так быстро, словно видел сквозь стену.

– Заходи, заходи. Адель, к нам пожаловал господин сочинитель.

...В мастерской ничего не изменилось, и даже Адель, казалось, навсегда вписана в это богемное пространство беспорядка.

...Адель сидела в кожаном кресле, закинув ноги на подлокотники, закутанная шелковой шалью голубого цвета. Увидев Вигдора, она улыбнулась, помахала рукой, изящно встала.

– Привет! Я в ванную и сразу убегаю. Прощаюсь заранее, провожать меня не нужно. Вы поговорите, без меня у вас

получится еще лучше.

Адель скрылась в ванной.

– Ты чего такой растрепанный, пойдем, покажу тебе шедевр моих последних дней.

Савелий потащил его к мольберту

– Погоди, шедевры чуть подождут. У меня проблема. У тебя проблема, у нас проблема.

Савелий недоуменно пожал плечами:

– Тогда начнем с твоей проблемы, я точно помню, что еще минуту назад у меня ничего не случилось.

– Повестка в суд пришла, Савелий. Спицын нанял адвоката, меня обвиняют в том, что я без разрешения автора опубликовал в своей книге его офорты. Ты что-нибудь понимаешь?! Ведь это ты художник моей книги, ты вел переговоры насчет этих офортов. Просто какая-то ерунда, с меня на полном серьезе требуют огромные деньги.

К удивлению Вигдора, Савелий принял известие совершенно спокойно, словно был готов к такому повороту событий.

– Подлец, подлец, подлец, подлец, – запричитал Савелий. – Я мог предположить такой финал! Этот человек способен на все!

– Ты знал, что так может случиться?! Ты знал, и все равно попросил его работы, чтобы использовать в оформлении?!

– Вигдор, господи, не будь наивным ребенком. Идеалист! Твоим читателям что важнее: иркутские виды или характер

того, кто их нарисовал. В твоём собственном цехе полно молящихся, а тех, кто верует, раз-два и обчелся. Не хотелось бы тебе лекции по этике и психологии читать, но все-таки замечу: творчество и характер творца – вещи разные. Тебе напомним фамилии извращенцев и негодяев, которые создавали великие империи, архитектурные шедевры?

– Замолчи, Савелий, а то я за себя не ручаюсь. Я написал книгу. Она принята на «ура». Меня поздравляют с успехом, и все это в один миг летит в тартарары из-за философского словоблудия.

– Старик, не волнуйся ты так, не принимай близко к сердцу. Все уладится. Ну, не сумасшедший же в конце концов Спыцин. Кто-то надоумил его ввязаться в аферу, такие деньжища запросить. Уладим, поди, а?

– Уладишь, уладишь?! Как ты собираешься «это» улаживать, когда Спицын нанял представителя, и он предлагает мировую за 100 000 евро! Скажи мне, Савелий, ты держал в руках сто тысяч евро?

– Так, Вигдор. Угомонись, то есть поутихни. Сейчас я сам пойду к Спицыну, мы с ним поговорим, поздороваемся и все прояснится. Мне кажется, я так думаю, все происходит за его спиной. Возраст у маэстро почтенный, еще чуть-чуть и, можно сказать, выжил из ума.

Все, я иду к Спицыну, беру бутылочку «Порто», закусочку-колбасочку и шлеп-шлеп-шлеп. А ты сиди. Смотри на стены, наслаждайся высоким искусством...

Дверь хлопнула и стало тихо-тихо. К удивлению Вигдора, в этой маленькой захламленной квартирке, которую Савелий гордо называл мастерской, было уютно. Сколько бы раз не приходил Вигдор сюда и каких бы размеров не принимал весь этот кавардак, всегда оставалось пространство, где действительно можно было поставить стул и смотреть на картины хозяина.

Вигдор даже не старался понять, высокое это искусство или «тяп-ляп» на потребу. Давным-давно уже выработал для себя форму общения с богемой. Формула была проста и понятна, ибо укладывалась ровно в два слова: «нравится – не нравится». А уж как облечь ее в каждом конкретном случае в слова и фразы не составляло труда. Во всяком случае, с этим Вигдор никогда не испытывал затруднений. Формула действовала безотказно. Каждый раз на встречах с мэтрами художественного цеха он так и поступал, чуть напустив тумана, повспоминав несколько поездок в знаменитые галереи (куда его заносило либо случайно, либо в составе больших делегаций), он решительно признавался, что вот это полотно лично ему нравится однозначно. За цвет, за идею, за образы, за актуальность наконец. Еще вспоминались перипетии личной жизни мастера... И такой его спич всегда воспринимался как глубокий психологический подход. Очень скоро среди деятелей искусства Вигдор стал своим, если и не желанным, то приятным гостем. И ему искренне были рады, помятуя, что он не жаден и прост в общении.

И вот сейчас, сидя в мастерской Савелия, он пытался отвлечься от неожиданно свалившейся проблемы и пытался оценить кокоревские картины по шкале «нравится – не нравится». В этот раз получалось плохо – сто тысяч евро «давили»...

В это же самое время Савелий стоял на лестничной площадке перед квартирой Спицына и размышлял, как лучше начать разговор. До этого события – все было просто и понятно – собрат по цеху, усталость и озабоченность творческого человека и желание пообщаться, чтобы таким способом «разрядить» нестандартное сознание, и бутылочка вина как пропуск к начальной стадии беседы.

Савелий, как и всякий хороший художник, имел природный психологический дар выстраивать первые слова и предложения. Он находил правильные, даже когда, бывало, вспыхивала ссора по части лампочек и уборки общей площадки, когда Спицын требовал заплатить по счетчику не поровну, а почти все, поскольку один экономит электричество, а другой «жжет» его нещадно, как богема и модный автор. Иногда Спицын и вовсе перегибал палку, вешая амбарный замок на дверь предбанника, который, между прочим, соорудил сам Савелий из решеток художественнойковки, подаренных здешними кузнецами по случаю какой-то гулянки.

Спицын не ленился менять замок после очередной перепалки и Савелию приходилось выпрашивать у него ключ. Но это раздражало Савелия меньше, чем, к примеру, пись-

ма Спицына в правление Союза художников с требованием проверить, законно ли живописец Кокорев занимает мастерскую, и кто он на самом деле – живописец или мастер по обжигу глины, если за месяц набирает такое огромное количество киловатт-часов.

– Большому мастеру – большое прощение, – всегда уговаривал себя Савелий, – после очередной выходки собрата по союзу.

Савелий вообще выгодно отличался от остальных творческих натур: он в принципе любил всех, точнее, весь мир вместе с художниками. Он не умел долго сердиться, и эта доброта и всепрощение нередко играли с ним злую шутку. Вот как в этот раз.

...Савелий нажал на кнопку звонка. Подождал еще какое-то время и повторил попытку, потом уже без всякой паузы жал и жал на этот квадратик. Но дверь так и не открыли, хотя, как ему показалось, к дверному глазку за дверью кто-то все-таки подходил.

Для успокоения еще и постучал кулаком. Ничего. Он уже собрался было уходить, как дверь распахнулась.

Спицын стоял в коридоре в рабочем халате. Видимо работал – печатал офорты.

Он стоял и молчал, не приглашая Савелия войти.

– Поговорить бы нам, Александр Петрович!

– Говори!

– На лестничной площадке что-ли, как-то не очень при-

влекательно, не пригласишь?

– Не приглашу.

– Ладно, – все еще дружески продолжал Савелий. – Тут такое дело, я с твоего разрешения фотографировал у тебя несколько офортов для книги Вигдора Чижевского. Помнишь?

– Помню.

– Ага, значит, помнишь. А потом сам Вигдор был у тебя в гостях и приобрел в знак благодарности несколько твоих работ.

– И это помню.

– Вот замечательно. Александр Петрович, представляешь, вдруг звонят от твоего имени Вигдору и требуют сто тысяч евро за эти самые офорты. Может, ошибочка какая, розыгрыш?

– Никакого розыгрыша. Требую по закону об авторском праве. Договор со мной никто не подписывал, следовательно, офорты опубликованы незаконно.

– Так ведь, Александр Петрович, ты же сам дал согласие.

– Дал.

– Я о том же. И потом еще благодарил Вигдора за помощь, ведь тогда кризис был, мы с тобой за свет не могли рассчитаться да за мастерские. И авторский договор... так ведь никто тогда никакие бумажки не подписывал. Купил – использовал. И потом, Александр Петрович, книжка – это же реклама твоих работ. Это не продажа оригиналов из первой

сотни оттисков.

– Я все сказал, Кокорев. Никто не имеет права грабить художника. Мой представитель уполномочен решать все вопросы. Но, думаю, вряд ли нужно доводить дело до суда. Еще и пошлины оплатите.

Савелий хотел было возразить, но дверь захлопнулась.

Савелий вернулся совершенно растерянным.

– Что скажете, Савелий Анатольевич? Как прошел саммит двух художников?

Савелий плюхнулся на стул.

– Полный провал, который еще предстоит осмыслить потомкам. Я ничего не понимаю. Он даже не пустил меня на порог. Вигдор, это какая-то провокация.

Вигдор тоскливо поглядел на художника и понял, что в таком состоянии лучше ничего не добавлять к уже сказанному.

– Пойду я, Савелий. Пора адвоката нанимать. Ближайшее время нам с тобой, вероятно, не придется покидать пределов малой родины. Затаскает нас по судам Александр Спицын и компания. Давай созваниваться.

...Селина ждала его в кабинете. Она курила изящные дамские папироски «Фэмина». Он хорошо помнил эту красную, почти квадратную коробку, с золотой полоской по бокам. Не коробка, а настоящая шкатулка. Каждая папироска была с золотым мундштучком. Длинная тонкая папироска в изящных пальчиках Селины выглядела очень привлекательно.

– Появился наконец, – почти на выдохе сказала Селина.

– Ага, – почти безразличноотреагировал Вигдор. И добавил: – Как говорится, не солоно нахлебавшись.

– Позвольте поинтересоваться, с кем и где хлебал?

– Был у Савелия Кокорева, художника моей книги. Спицын его даже на порог не пустил. Сказал, чтобы мы общались с представителем.

– Молодец, отлично продумано. Нам теперь придется иметь дело с представителем, а последнее слово будет всегда оставаться за Спицыным. Мы же в поисках этого слова будем бегать словно раненные басмачи по всей лесовской области. Когда же его все-таки удастся поймать, он, клянясь в любви и уважении, отправит нас к Спицыну.

– Может, мне сразу закрыть контору, продать машину, дачу и удовлетворить аппетиты этой банды?

– Банды-банды, – отвлеклась от разговора Селина. Могло показаться, что это помогает ей думать и искать ответы.

– Слушай, «писхатель», а ведь это и впрямь может быть банда мошенников. Сейчас это в моде – читать, к примеру, газеты, вылавливать нестыковочки с законом, договариваться с героями публикаций и тащить дела в суд. Как ты знаешь, на твой гонорар четыре раза в год в Европу не слетаешь и я, так сказать, консультирую пару редакций. Нет, ты послушай, до чего дошло дело. Пожар в высотном доме. Журналист пишет героическую заметку про спасенного молодым пожарником ребенка. Называет фамилию пожарника и ребенка. Заодно спрашивает, как мамаша могла оставить свое дитяtko

одного в доме без присмотра. Все, рыбка поймана. Журналигу тянут в суд и возникает дело о защите чести и достоинства. Зачем он назвал фамилию несовершеннолетнего дитяти? В итоге газета проигрывает процесс. А журналист получает наглядный урок, как опасно писать о добрых поступках.

Ты, «писхатель», не падай духом, не расстраивайся. Будем тянуть время, сколько получится. Пока суть да дело, встречу с представителем Спицына, погляжу на этого любезного телефонного говоруна, покопаемся в его биографии, потом обратимся к дружеским советам моих однокашников – следователей, судей и прокуроров. Глядишь, наши горизонты знаний расширятся. А? Вигдор, знаешь, мне даже как-то веселее жить стало. А то рутина твоей компании меня совсем доконала. Я все-таки бывший прокурор.

– Селина, я хочу сделать чистосердечное признание. Когда ты пришла устраиваться на работу, я представил тебя в роли следователя. Да-да, не прокурора, а следователя. И мне подумалось тогда, что от одной твоей энергетики преступники должны были колотиться как орехи. Но это еще не все. Я представил тебя с клещами в руках, увидя которые, преступники в ужасе разбегаются. И мне подумалось, что преступности придет конец.

– Вигдор, забудем о предметах средневековой роскоши, у нас и без них было чем бороться с нарушителями спокойствия граждан Лесовска.

Селина, словно кошка, вся выгнувшись, «заскользила»

по столу, вероятно, имитируя охоту за мышкой.

– Слезь немедленно. Вот кто-нибудь зайдет сейчас, и вся контора решит, что у нас с тобой что-то было.

– Вигдор, не смей меня и окружающую среду. У нас по определению быть ничего не может, кроме зарплаты и специального гонорара за это частное расследование. – Селина басовито захохотала. – Потянешь мой гонорар?

– Разберемся. Судя по твоей развязной манере говорить с начальством, у тебя уже есть козырный ход. Это же твой фирменный стиль, козыри в любой игре.

– Увы и ах, пока что нам объявили шах. Пока. Кстати, заметь, они требуют компенсации и от тебя, и от конторы. Понимают, что с тебя, «писхателя», много не получишь, а вот с конторы можно слупить поболее. Делят иски! О чем это говорит?

– Понятия не имею!

– Это свидетельствует об опыте спицынского представителя. Вероятно, в таких делах он не новичок. Итак, что у нас уже есть. Я была в суде и получила кой-какие бумажки.

Слушай теперь внимательно. Заявитель пишет, что ты, опубликовав его офорты без письменного согласия, нарушил авторские права. Это раз. А он, бедный художник, до этого подписал договор с неким гражданином Икифоровым и отдал ему эти офорты для использования по собственному усмотрению. И тот заплатил ему аж сто тысяч евро. И в том же договоре будто бы указано, что в случае публика-

ции офортов без согласия Икифорова Спицын обязан уплатить ему неустойку в те самые искомые 100 000 евриков. Вот кружочек и замкнулся. Ты своей книгой нанес «непоправимый» урон гражданину Икифорову, и он теперь требует с художника Спицына компенсацию в звонкой монете.

Ты понял, писхатель.

– Понял... Мы что, все уже проиграли?

– Нет. Нам пока только объявили шах. Будем тянуть время, искать нестыковки и подлоги. Чует мое прокурорское прошлое, нас ждут забавные открытия.

Ну, скажи мне, знаток человеческих душ, какой нормальный человек во время нестабильной экономики купит у Спицына офортов на такие бешеные деньги? Этот Икифоров, он что, наследник арабского султана? Или он известный коллекционер? Ты слышал такую фамилию? Так что ничего пока не проиграно. Будем дознаваться, кто этот покупатель, сверять его подписи на договорах с оригиналами, запрашивать налоговую, а заплатил ли наш Спицын налог с полученных денег. Ну и, наконец, писхатель, мы же не встречались с представителем потерпевшей стороны. Посмотрим на этого веселого паренька! Ты понимаешь, уж больно мне его фамилия знакомой показалась. Майков, Майков. Где-то я ее слышала.

И вот еще что. Завтра начинаем погружаться в мир искусства. Идем в художественный музей. Будем выяснять, сколько реально могли стоить эти офорты, каков их статус и чем

они ценны для народа. Мне порекомендовали и я уже договори-
лась о встрече с лучшим искусствоведам здешнего му-
зея, некой Марианной Синицей. Она покажет истинные ше-
девры современной живописи и графики. Я узнала по боль-
шому секрету, запасники в подвалах ломаются от признанных
и непризнанных гениев – некуда выставлять – все залы заби-
ты голландцами и флорентийцами. Во как! Наш музей по-
круче многих европейских будет!

Вигдор посмотрел на Селину с явным удивлением.

– Ты не знала, а откуда тебе знать! Книжки читать надо,
альбомы на ночь пролистывать. Успокаивает, знаешь. Нет
худя без добра. Благодаря мошенникам границы твоего ми-
ра раздвигаются. Наконец-то у тебя в производстве практи-
ческое дельце. А то так и стряпала бы договора подряда под
копирку!

Теперь уже Силина ошалело поглядела на Вигдора.

– И это говорит человек без пяти минут банкрот, «сты-
ривший» у бедного художника его лучшие работы. Может
быть, он убил на них целую вечность!

Расхохотались они одновременно. Оба поняли, что пред-
стоит длинная и сложная работа и никто не даст ответа, смо-
гут ли они доказать всю абсурдность обвинения.

Глава пятая. Простой аферист Майков

За 30 дней до судебного процесса

Майков был мошенником по призванию. Он даже не очень скрывал это. Все, кто профессионально работал на следствие и суд, отлично знали его как прохиндея, который имел особенность выходить чистым из любой переделки. В определенном смысле он стал достопримечательностью в этих кругах, образом нарицательным: всякий раз, когда очередное его дельце доходило до приговора, что-то в последний момент не срабатывало и Майков оказывался «вне срока». Правда, однажды он чуть было не загремел по крупному после неудавшегося рейдерского захвата. На кону стояла мехбаза. Казалось бы, все продумали до мелочей: как по маслу с помощью милиции проникли на территорию, захватили сейф с печатями и уставными документами, объявили себя владельцами и уже были готовы продавать украденную собственность, но в итоге выстроенный домик рухнул: то ли замахнулись на слишком лакомый кусок, предназначенный другим, то ли реально восторжествовала справедливость. Их повязали на третий день захвата. У обвинения все срослось, а защита, исчерпав свои козыри, уперлась в сте-

ну, но и тогда Майков отделался условным сроком. А ведь шлейф этого маскарада был устлан инфарктами, сломанными карьерами, потерей всего, что люди заработали за годы теперь уже капиталистического труда.

Как этот тип выходил сухим из воды, оставалось загадкой даже для умудренных следаков, закаленных оперативников, судей, выдавших всякое... ну что тут скажешь – талант!

Майков очень нравился себе, чего не скажешь об окружающих. Зная его историю, можно было бы вполне подумать, что образ жизни и род занятий совпадают с природой вещей. В том смысле, что все, что окружает человека, помогает ему соответствовать мыслям и делам. Не случайно же бытует мнение, что мысли рано или поздно материализуются.

Майков выглядел так: большая лысая голова, рост чуть выше среднего. Никаких пропорций фигура его не выдерживала – все было несуразным: руки болтались где-то у колен. Огромный размер ноги, квадратная грудная клетка делала его коренастым и при этом маленький носик, глубоко посаженные маленькие глазки, детские губы, словно сложившиеся в бантик. Так что если он начинал говорить, казалось, его обидели и он вот-вот заплачет.

А эти маленькие глазки желтовато-коричневого цвета буравили и, казалось, просвечивали насквозь из-под нависших густых бровей.

Говорил Майков скверно, без интонаций и без пауз. Словно встроенный в нем магнитофончик запускался и крутил

уже готовую пленку с речью.

В зависимости от ситуации Майков представлялся историком, юристом, адвокатом, даже археологом. Но чаще выступал «представителем интересов». И каждое такое «представительство» знаменовало новое мошенническое дело.

Надо отдать должное его умению плести интриги, погружаться в конкретную историю, вникать в детали и, на первый взгляд, совершенно лишние подробности. Но все вместе и выработали ту особую майковскую тактику строить игру на нестыковках и пробелах, детальках, штришках.

На «офорты» он вышел случайно. Случилось это так.

После неудачного рейдерского захвата мехбазы оправились в ресторан расслабиться. Накануне суд щедро «раздал» всей компании по заслугам. Лично ему, Майкову, достался условный срок в три года. Подельники получили сроки меньше, но реальной тюрьмы. «Реалисты» уже отбывали приговор, а «условники», их было значительно больше, приходили в себя, обсуждая в деталях причины провала. «Гуляли» не от веселья, а от тоски и досады, что, казалось бы, продуманная до мелочей операция закончилась так скверно.

При всем том, что с законом он никогда особенно не дружил, ему все время приходилось «развиваться» – читать, учиться, посещать тренинги и семинары, ведь представлять чьи-то интересы посредством кулака и рэкета становилось немодным и далеко не безопасным.

И потому как-то особенно трогательно звучало из его уст

в ходе судебного заседания «Ваша честь»! И, слава богу, что на этих судебных разбирательствах ни разу не побывали его подельники. Они бы точно все испортили, услышав проникновенно эпатажные речи Майкова, где главным лейтмотивом всегда оставалось: «Человек — это звучит гордо» или «Человека легко обидеть». В лучшем случае они сорвали бы ход заседания своим хохотом и подколками «праведного» Майкова. А в худшем заподозрили, что их подельник не в себе, что он «того»...

Хотя Майков чаще всего представлялся юристом, он и близко не имел отношения ни к одному юридическому факультету, коих расплодилось превеликое множество. Но он был образчиком самообразования. Знал назубок все кодексы, подзаконные акты и судебную практику так, что бывал неотразим, попадая в точку своими вопросами-ответами в ходе прений или допроса свидетелей. Единственное, чего не хватало ему в такие минуты, — публичного признания и восторга публики. Но где ж их взять, когда судебный процесс нередко шел месяцами...

...Итак Майков, что называется, залечивал раны в ресторане. Из тех двадцати пяти, кто участвовал в последнем рейдерском захвате, на свободе остались пятеро. Вот за всех они и пили горькую, вспоминая каждого...

За соседним столиком, судя по всему, веселья тоже не хватало. Мужская компания пила без куража, анекдотов, веселых историй и занимательных воспоминаний. Наконец

обе компании дошли до черты, за которой начинался поиск виноватых...

Майков сидел к соседней компании спиной. Банальщина, которую он слышал, его не раздражала. Какое ему дело до их дурацких тостов. По обрывкам фраз он догадался: гуляют художники. Время от времени слышались рассуждения об импрессионистах, пост-модернистах, поп-арте, музыке Курехина и великом искусстве Левитана. Кляли Союз художников и полный беспредел с мастерскими здешних живописцев, который устроили чиновники, ничего не смыслящие в высоком искусстве.

— Эти знатоки из районной управы решили повесить плату за мастерскую моего отца! Народный художник, мэтр! Что им графика, они разве понимают прелесть офорта.

— Да они же бесплатно там всю жизнь обитали, Федяй, кончай свист, слезу вышиб. Была бы у меня такая мастерская, я бы и за деньги снимал. Разве это оплата — гроши.

— Да, гроши, а как еще, коли искусство для народа! Искусство задаром! Я вчера книгу у Светки в библиотеке приметил — «История Лесовска». Полистал, пока Светку ждал. Смотрю, о, ничего себе — отцовские работы. Брякнул ему, поздравляю, денег не даешь, жмотишься, а картинки печатаешь в подарочных книгах. А он говорит, что это бесплатно. Так сказать, из любви к искусству. Мол, разрешил соседу-художнику при оформлении использовать. Какая-никакая реклама.

Гуманист! Сыну пожрать не на что, а этот направо-налево раздает все бесплатно. Ну и как ему после этого за мастерскую платить?!

Майков сразу и не сообразил, что вперед торкнуло в голове: о «бесплатно» или «без договора». Высший пилотаж в любом деле, когда обычные, казалось бы, слова моментально порождают целую цепочку фантазий или реальностей. Вот и Майков, услышав только обрывки фраз, машинально подумал, дело можно раскрутить в обратную сторону. Заставить издателей заплатить – создать конфликт на голом месте.

У Майкова, вообще, была выработана своя собственная и, как он полагал, стройная мировоззренческая система, которая гласила: там, где конфликт, – работы непочатый край.

...Он больше не слушал путаную перепалку подвыпившей компании, но сменил дислокацию и сел так, чтобы видеть все происходящее за соседним столиком. Его очень заинтересовал Федяй. К нему, источнику конфликтной информации, следовало присмотреться внимательнее.

Внешний вид и некоторые жесты Федяя подсказали Майкову немало интересного. На вид сыну художника было за двадцать. Худой, импульсивный, не очень опрятный. В профиль хорош. Женщины любят таких слегка небритых, утомленных, с поволокой в глазах юнцов с бледным блуждающим взглядом.

– Ишь ты, птица-говорун, – подумал Майков, рассматривая своего потенциального клиента, – папка денег не дает,

плохой папка, мог бы и продать картинки и пособить Федяю. Федяю с компашкой погулять не на что.

...Пора было уходить, обе компании досидели, что называется, до последнего посетителя. В другой раз Майков исчез бы пораньше, но не сегодня. Федяй, несмотря на то что был серьезно «подшофе», все еще держался бодрячком, ел и пил, точнее, уже прихлебывал то, что осталось после многочасовой гулянки.

Приятели Федяя потянулись к выходу. Встал и Федяй и шаткой походкой направился было к выходу, но снова вернулся к столу, оглядел его в надежде, что в бутылках осталось хоть что-нибудь.

– Мужик! Чего скучать в одиночестве, давай к нашему столу, – к Федяю подошел Майков.

Федяй недоверчиво поглядел на добросердечного зазывалу и улыбнулся. Майков показался ему столь несуразным и смешным, что не вызывал опасения или мысли о подвохе.

– Мужик! Все нормально, это наш стол. Я только хотел выпить пять грамм на посошок. А нету... Не-туту, а я хотел.

– У тебя нету, а у нас есть. Пойдем, пойдем, дорогой, к нашему огоньку. Раз человеку надо пять грамм – значит надо. Человек человеку помогать должен, – сочувственно прошептал на ухо Федяю Майков. – Пошли, пошли, брат. Тебя, кажется, друзья Федяем называли.

– Федяем, Федяем, а как иначе.

– Приятели не потеряют, ушли вроде как, может, ждут?

– Эти-то, как же, ждут... Бросили одного. Живописцы хреновы. Не. Не потеряют.

– Тогда тем более покатили к нашей поляне.

Майков представил нового знакомого приятелям.

– Все нормально, мужики, это Федяй, хороший парень, художник, а Федяй, ты художник?

Тот молча кивнул:

– Художник, хороший художник.

– Ну вот. Я и говорю, художник. Ему пять грамм за нашим столом не возбраняется налить?

Компания отреагировало вяло, и здесь все были в хорошем подпитии и уже плохо соображали, зачем Майков при- тащил этого парня.

...Майков щедро разливал, но сам уже не пил, а Федяй совсем поплыл и когда сам попытался налить рюмку, Майков по-отечески приобнял его.

– Давай, Федяй, выкладывай, кто твоего отца, замечательного художника, обидеть посмел, кто лишил тебя законного гонорара?

Федяй вдруг пьяно закатил глаза и... заплакал навзрыд. Так горько и натурально, что даже Майков испугался. К рыдающему обернулись припозднившиеся гости сразу с нескольких столов.

Майков театрально распрямился и, словно трибун, отведя руку, в сторону произнес:

– Спокойно, господа, не стоит волноваться. Мой друг

Федор сегодня расстался с любимой девушкой. Она взяла и уехала без всякого предупреждения в другой город.

Пьяный Федяй зарыдал еще сильнее, словно бы и вправду лишился большой и чистой любви.

– Да, Федор, художника обидеть может каждый. Рассказывай, кто это бесплатно публикует шедевры твоего папеньки.

Федяй уставился на нового приятеля, силясь что-то ответить, но смог выдать из себя лишь одного слово – «Ага».

– Ага? Чего ага? Про книгу рассказывай, рисунки, – не унимался Майков.

Но Федяй был уже не способен вести разговор. Поняв это, Майков решил учинить «допрос» завтра, если, конечно, паренек будет в состоянии вести беседу после столь бурного возлияния.

– Где живешь, Федяй, куда везти твой дивный образ. Баниньки пора, мамка с папкой заругаются.

Федяй словно бы услышал что-то важное, заморгал глазками, зашмыгал носом и опять заплакал. Но теперь уже тихонечко, как плачут нашкодившие дети в страхе от родительского гнева.

Даже Майков, тертый калач, растерялся от этих слез, которые опять покатились из глаз Федяя ручьем.

– Ма-мень-ка, па-пень-ка, – запричитал Федяй, – домой хочу, отвезите домой.

– Куда домой, говори, чудила, а то ведь брошу тут! Не успел достать, но уже надоел...

– Ккк ма-мень-ке, на вахту в институт ги-ги-гипродор, – вышептал вполне членораздельно Федяй и снова тихонечко заплакал, заскулил...

Теперь уже Майков и не знал, не зря ли он ввязался в эту историю? Что нашло на него, что такого услышал, чтобы нянчиться с этим недотепой. Теперь вот на вахту тащить...

Глава шестая. Тайна музейного подвала

За 29 дней до судебного процесса

На встречу с искусствоведом Марианной Синицей Вигдор и Селина отправились вместе. В изобразительном искусстве оба были любителями. Вигдор часто повторял, что в этой сфере лично он руководствуется единственным правилом «нравится – не нравится». К примеру, бессмертная картина Леонардо «Мона Лиза», возле которой он дежурно замирал каждый раз, посещая парижский Лувр, его не поражала. Другое дело «Дама с горностаем» Рафаэля. Она действовала на него магически: как бы ни пытался Вигдор заглянуть этой особе в глаза, с какой бы стороны он ни ловил ее взгляд, она смотрела бесстрастно мимо.

Но в этот раз шли они не для того, чтобы набраться новых знаний: Селина настоятельно потребовала «полного погружения» перед судебным процессом в атмосферу мира художественных идей. Точно так же она заставляла Вигдора изучать английский язык: в замкнутом пространстве туристического кемпинга был воссоздан уголок Англии. И целыми днями они выдавливали из себя иностранные слова под пристальным взглядом учителя-наставника. Вигдор посмеивал-

ся над этим, но, представьте себе, оказавшись в первой же заграничной командировке, сумел объясниться с метрдотелем и официантом в пабе. С тех пор в погружении он не видел ничего плохого, хотя язык – это одно, а художественный мир, как подсказывал его опыт общения с художниками, – совсем другое.

А вот Селина преображалась из офисного юриста в хладнокровного носителя нужных законов, юридической практики, судебных прецедентов. К каждому заседанию готовилась столь тщательно и усердно, что многие проигравшие впоследствии не стеснялись восхищаться ее профессионализмом.

Она и сама обожала себя в эти минуты юридического чародейства, каждый раз доказывая, что уход с государственной службы был материнским самопожертвованием. Ведь маленький Сережка, Женька и Аленка требовали ее внимания и заботы. А та, ее прошлая работа, увы, «настаивала» на прямо противоположном.

Селина имела мертвую хватку, когда приходилось вступать в судебный процесс. Словно бы соскучившись по практике, она в такие моменты отметала все, что может отвлечь от самого дела, прений, опросов свидетелей, дискуссий с оппонентами. При всем при том ей хватало терпения и умения общаться с представителями обвинения, так что после завершения процесса они расставались вполне в хороших отношениях.

Судьи обожали работать с ней. Прежние практические знания и удивительная вера в собственную правоту заражали их самих, каким бы скучным не оказывалось дело.

И вот сейчас, по настоянию Селины они шли в Художественный музей узнать больше об авторских договорах и продаже произведений местных художников, графике Спицыне, его картинах и прочих премудростях повседневной жизни мастеров живописного цеха.

...Марианна Синица ждала их в фойе огромного старинного особняка. Удивительным был этот дом, построенный специально для картинной галереи.

О, эта старая легенда-сказка о городском голове, который всю жизнь собирал предметы искусства. Он получил огромное наследство от родственника золотопромышленника. Дядька был лесовским купцом первой гильдии, столпом местного общества, миллионщиком, который почти что царствовал в Золотой тайге.

Лесовские купцы собрали капиталы в студеном морях, дошли до Америки и создали первую в Российской империи международную компанию. А в городах, кто замаливая грехи, кто по душевному порыву, кто от куражу, кто из любви к родному городу, ставили школы, церкви, училища, издавали книги, увлекались музыкой и рисованием, отправляли экспедиции в далекие страны. Они открыто потешались над собой и друг другом, подзадоривая и вызывая на споры, кто кого перещеголяет в меценатстве. Один взял да и постро-

ил храм в том месте, докуда хватило выкладывать ассигнации. Другой даже ночью во сне бредил северными морскими путями и в итоге построил несколько ледокольных судов, четвертый взял и все наследство передал городу на школы своего имени. А наследникам дал помаленьку, ну совсем немножко. Пятый по всей Италии собирал античные скульптуры и картины, шестой трактат Леонардо да Винчи привез! Сохранил, так сказать, для потомства...

Просторный холл музея открывался парадной лестницей и Вигдор, прикоснувшись к мраморным перилам, холодным даже летом, поймал себя на мысли, что пропало всякое желание торопиться куда бы то ни было. Словно что-то сломалось в тянущем механизме и та скорость, с которой проживался каждый день, резко упала. Захотелось просто постоять на старинной лестнице, представить на ней самого основателя музея и здешних обывателей, которые, отставив все дела, чинно собирались здесь. «Интересно, – подумал Вигдор, – они общались так же, как и мы? Так же играли словами, острили, перед кем-то сгибались в поклоне, а кого-то и вовсе не замечали? Господи, как все-таки хорошо просто так стоять на парадной лестнице без мыслей о суетных делах, заботах, обязательствах. Сесть на ступеньку с книгой...»

Он даже улыбнулся, представив себе все это. И тут же, словно поймав его на крамольной мысли, Селина прошептала: «Не расслабляться. Храм искусства – это наше все на ближайшие годы...»

Вигдор дико посмотрел на Селину.

– Вернитесь на землю, друг мой. Нас ждут такие тошнотные деньки. Пойдем, пойдем. Я обещаю договориться с начальством музея, чтобы после процесса за небольшую плату тебе разрешили жить на этой лестнице. Пошли, интеллигенция, опаздывать к себе подобным неудобно.

....Марианна Синица не была красавицей. Но она была так удивительно приятна, что Вигдор даже не удивился. Только подумал, отчего в учреждениях, где зарплата скорее символический жест государства, так много хорошеньких и прехорошеньких барышень. Может, они постепенно становятся похожими на лучшие книги и картины?!

Он просто засмотрелся на Марианну, так замечательно вписывалась она в обстановку итальянского зала 18 века.

Вот какой была Марианна: высокой, светловолосой. Огромные глаза под дугами больших бровей. «Да за одни эти глаза», – подумал Вигдор, а следом внутри заиграл мотив на невесть откуда пришедшую песню Ободзинского «Эти глаза напротив в калейдоскопе дней...»

Если бы он был склонен к большей сентиментальности, то не преминул бы уточнить: «Казалось, она была соткана из воздуха».

Марианна была в строгой одежде. Но даже этот стиль не мог скрыть эту особенную женственность, а отсюда и притягательность.

Отчего и почему Вигдору показалось, что она одинока

и тяготится этим? И он был, по сути, прав, ибо именно так случается с людьми творческих профессий, которые живут своим делом и в конце-концов растворяются в нем без остатка. Все время на людях, в общении, во внутреннем диалоге о том высоком, что сжигает изнутри, грызет и не дает никакой возможности переключиться на что-нибудь иное. Внешне – дежурные улыбки, дежурные шутки, дежурные реплики. Все настоящее внутри. Постоянное сопереживание, осмысление художнического пути, почти всегда невысказанного прямо, недоговоренного.

Марианна стояла у портрета «Неизвестной женщины» Грасси, художника восемнадцатого века. «Неизвестная» была хороша собой и, судя по всему, любима в своем времени. Так показалось Вигдору. Она в умилении сложила руки. Взгляд спокойный, пожалуй, даже умиротворенный. Красивое платье, шарф-накидка. Кудри волос падают на плечи. Улыбка? Нет, пока еще только ее предтеча. Огромные глаза...

Селена уже здоровалась с Марианной и уже представляла Вигдора.

– Вигдор, какое интересное имя, а я, по правде говоря, думала, что это писательский псевдоним.

– Марианночка, вы читали его сочинения? – удивилась Селина. – Вигдор, я начинаю по-другому оценивать твоё творчество.

Вигдор, чуть смущаясь, пожал плечами.

– Не удивляйтесь моей спутнице, Марианна. Это ее обычный метод сокращать расстояния между людьми. Рад, если мои книги пригодились.

– Я читала последнюю, о Лесовске. Знаете, там столько всего, и столько неожиданно нового.

– Да, Марианночка, он такой у нас, писатель. Пол-жизни в архивах провел. Не бережет себя.

– Селина, ну что ты такое рассказываешь, Марианна еще подумает, что компания постоянно без руля и без ветрил. Не превышай полномочий, здесь все-таки храм искусств, а не комната переговоров.

– Не смешно, Вигдор, совсем не смешно. Только природное чувство юмора не дает мне обидеться на тебя. А вам, Марианночка, спасибо, что согласились встретиться и помочь нам.

– Меня благодарить совершенно не за что. Рассказывать о художниках моя работа. Тем более для Вигдора Борисовича. Его книги совсем по-другому рисуют города.

– А знаете, Марианна. Мы с коллегой, Селиной, так давно не были в музее! Просто стыдно даже. Может быть, согласитесь сделать небольшую экскурсию?

Селина растерянно поглядела на Вигдора и зашипела на ухо: «Ты с ума сошел, это же полдня потерять!»

– Да, конечно, Селина, не нужно благодарить меня. Я, как и ты, просто с нетерпением жду рассказов нашего гида.

Силина только пожала плечами. Что тут сказать, «писха-

тель», явно запал на искусствоведа, решила она. И вместо того чтобы готовиться к процессу, она будет бродить с ними по залам и «впитывать» высокое искусство.

– Хорошо, пойдемте, я с радостью расскажу вам о наших сокровищах.

– Ну-с. С чего начнем, – с явным удовольствием спросил Вигдор.

Селина покосилась на него с усмешкой.

– Конечно, с зала древнерусского искусства, – ответила Марианна и направилась туда, где на стенах и в стеклянных витринах были выставлены иконы.

Она подвела их к одной из них.

– Ее называют «Богоматерь Одигитрии». У этой иконы уникальная судьба. В музей она попала в 1935 году под названием «Казанская богоматерь». Рассказывают, она была в ужасном состоянии. Решили, что писали ее в 19 веке. Потом отправили на реставрацию в Москву. И, слава богу, она попала к опытным мастерам, которые знали, что до революции иконы подновляли – на старую основу наносили новый слой живописи. Потом все покрывали олифой и возвращали на место. И вновь свечная сажа, от которой олифа темнела. Старые иконописцы готовили замечательные краски – очень прочные. Так что для «подновления» изображение «не мыли», а прямо поверх писали новый образ.

И когда столичные реставраторы взялись за работу, то первым делом сняли два новых слоя краски, потом убра-

ли три слоя живописи и поразились открытию – перед ними открылась изумительная икона «Богоматерь Одигитрия» 17 века. Представляете, еще не было многих сибирских городов, а местный иконописец уже писал дивный образ...

Даже Селина присмирела, слушая рассказ Марианны, и тихо брела вслед за экскурсоводом, ловя каждое ее слово. Вигдор с Марианной отправились дальше по музейным залам, а она осталась у иконы, что-то прошептала, склонив голову, и, убедившись, что в зале никого нет, поцеловала ее через стекло.

...Вигдор давно с таким удовольствием не слушал рассказчика. Ему очень понравилась немецкая школа. Их пасторальные пейзажи, несмотря на прошедшие столетия, играли цветом, так что казалось, это живая трава на картине колыхнется от ветерка, а пастух с пастушкой, замершие у ручья, вот-вот оживут.

Потом все трое еще долго ходили по музейным залам, уже молча смотрели на стены, и каждый думал о чем-то своем.

Спустя два часа они вновь оказались у парадной лестницы, и нужно было прощаться.

– А почему мы не увидели современников, куда вы спрятали местных знаменитостей? – спросила Селина.

– Увы и ах, большинство работ в запасниках. Мы приобретаем их у художников и тут же прячем в «подземелье» – там под зданием большое хранилище современного искусства. Достаем их время от времени для тематических или

персональных выставок или когда готовим выездное мероприятие.

– Марианочка, ну пожалуйста, покажите нам хотя бы графику. Когда в этой суете попадем к вам еще раз.

– Хорошо, схожу к начальству, сошлюсь на присутствие известного писателя.

– «Писхатель», ты явно популярен в этом городе, а я как-то даже не обращала внимание на сей момент. Теперь буду смотреть на тебя другими глазами.

– Вот-вот, а то чуть что «писхатель». Злые вы, уйду я от вас.

– Оно и видно, уйдешь. Нетрудно догадаться с кем.

– Очаровательная девушка, а ты со своими глупостями. Ничего новенького. Ты хотела погружения, ну вот и впитывай знания, пока есть такая возможность.

Марианна пришла улыбающаяся.

– Хранитель фондов разрешила. Узнала, чья просьба, и сразу все проблемы отпали.

Вигдор подмигнул Селине.

Она лишь пожала плечами.

– Сегодня явно твой день.

– Пойдемте в наши подвалы, – пошутила Марианна.

Парадная лестница закончилась, каменные ступеньки упирались в большую металлическую дверь, похожую на гаражные ворота. За ней начинался коридор с многочисленными помещениями-тупиками. Это и было музейное хранили-

ще. На высоких выдвижных вертикальных стеллажах стояли картины. Часть из них была развешана на стенах.

– Вот как живут картины в запасниках – плохо, наверное, все время быть запасными, – не удержалась Селина.

– Это обычный круговорот в искусстве. Многие картины из запасников постоянно путешествуют на различные выставки, думаю, что гораздо обиднее живется картинам в частных коллекциях. Вот оттуда «к людям» они выходят гораздо реже.

– Марианночка, а кто из местных популярен и востребован?

– Наши вообще пользуются устойчивым спросом, но, увы, по большей части за границей. Сколько полотен уходит туда ежегодно! Кто знает, может быть, это шедевры, которые признают в следующем веке.

– Скажите, Марианночка, а художник Спицын, он востребован?

– Спицын – график, портретист. Его офорты – это практически летопись города. Когда-то шел нарасхват, но в последнее время спрос на графику резко упал. Богатые люди предпочитают золоченые багеты, холсты и краски, картины рассматривают как вложение капитала. А у Спицына к тому же сложный характер, так что ему бывает сложно.

Да, вот, кстати, мы как раз у запасника местной графики – здесь городские офорты и портреты, приобретенные у него за многие годы. Хотите взглянуть?

– Было бы очень интересно, очень, – защебетала Селина.

– Тогда, Вигдор Борисович, помогайте мне.

Марианна выдвинула первый стеллаж, Селина отступила от картины, всматриваясь в работу художника, словно пыталась разгадать разницу между творением и характером мастера, словно бы пыталась узреть в них что-то особое, что могло подсказать ей, для чего и почему Спицын решился на такой шаг.

Следующий стеллаж выдвинул уже сам Вигдор и замер..

Большая картина в человеческий рост, а на ней Адель! Нет, конечно же, не Адель, а женщина, которая была точной копией Адели!

– Марианна, это точно работа Спицына?

– Разумеется, это ведь его уголок. У этой картины длинная история. Она писалась лет двадцать назад, точнее можно узнать по паспорту. Оперная певица Вера Засухина, прима местного музыкального театра. Она трагически погибла в автокатастрофе. Говорили, что между ними была неземная любовь. Художник работал над этим полотном еще при жизни артистки, после гибели Засухиной больше не брал в руки кисть. С того времени он исключительно график. И до сих пор рисует только городские улицы.

– Какая трагедия, и как все романтично.

– Скорее трагично, ведь за рулем машины был сам Спицын. Старые сотрудники музея поговаривали, что история эта была непростой. К тому времени Спицын был женат

и у него только-только появился первенец.

– Марианочка, вы просто кладезь знаний. Мы так благодарны вам за экскурсию и ваши чудесные рассказы. Если вы не против, мы с писателем с радостью заглянем к вам еще разочек. Надеюсь, вы не откажетесь поводить нас по залам еще раз?

– Конечно, буду рада.

– Тогда до встречи.

Они вышли из музея, и Селина, сославшись на домашние дела, быстро попрощалась и ушла.

Глава седьмая. Селина превращается в детектива

За 28 дней до судебного процесса

Трагическая история певицы Засухиной и художника Спицына показалась Селине странной, точнее, недосказанной. Да и откуда музейному специалисту знать, что-то сверх того, о чем обычно судачит общество. Какое-то странное чувство овладело ей, когда она одновременно слушала и смотрела на портрет оперной дивы. Конечно, то, что девушка погибла, а водитель остался цел и невредим ни о чем не говорит, таких случаев в ее бытность помощника прокурора было предостаточно. Чего только не выкидывает судьба. Но то, что Спицын задумал сейчас, обвиняя Вигдора во всех смертных грехах и требуя за это огромные деньги, не очень-то соответствовало романтическому характеру и характеризовало художника не с самой лучшей стороны. Что же вы за человек, Спицын, что решили так мелко подставить людей, которые по неопытности и незнанию доверились обычным человеческим эмоциям? И главное, что толкнуло вас на этот поступок вообще? Сложная жизненная ситуация? Случайность? Проявление истинного лица? Что еще?

...Связи у Селины, разумеется, остались, десять лет служ-

бы в органах – это срок. Добавим пять лет студенческой жизни, которые Селина не растрчивала на дискотеках, а работала в разных отделах огромной машины суда и следствия в качестве практикантки. Вначале ее не принимали всерьез – дурит девочка, будущая юристочка, выезжает на место преступления с операми, сидит на скучных процессах, помогает судье в рутинной работе по какому-нибудь делу. Но со временем эта ее жажда быть «настоящим правоведом» заставила опытных и знающих практиков относиться к ней по-серьезнее. К концу обучения ее уже настойчиво звали на работу и важные милицейские начальники, и прокуроры, и следки. Она и пошла, выбрав прокуратуру, ибо решила, что следить за исполнением закона – самое главное.

Интуиция – это врожденное качество немногих людей. Ее не воспитать, не развить просто так, по желанию или требованию. И никакие тренировки не помогут вам предчувствовать начало того или иного события, его, так сказать, грани.

У Селины интуиция была железная. Сколько раз, следуя ей, она делала правильные поступки и давала полезные советы, не счесть. И ведь что интересно, никто и не задумывался никогда, как «это» у нее получалось. Да она и сама не очень-то задумывалась на сей счет. Все списывалось то на молодость и свежий взгляд, то на профессиональные качества, а то и вовсе на везение.

Рассказ Марианны зацепил Селину. Как-то не очень вязалась такая трагически-романтическая история с тем, в каком

свете представлял Спицын спустя эти двадцать лет. «Люди не меняются», – любил повторять ее университетский учитель, профессор Фискин. Точнее, меняются обстоятельства и координаты, добавлял он всякий раз, когда Селина пыталась убедить его и себя в обратном. И если разобраться, то профессор был прав. Ну с чего бы сознательному убийце взять да измениться в лучшую сторону или подлецу совершить эдакое сальто-мортале и обернуться добросердечным и отзывчивым обывателем.

Что-то подсказывало Селине: история Засухиной и Спицына куда как драматичнее официальной версии.

Достать из архива дело о гибели артистки для Селины было несложно. Маленький кабинетик документохранилища, где ничего не изменилось с момента ухода Селины из органов, вмещал ровно один стол и стул. Пухлая папка дела лежала перед ней. Она поймала себя на мысли, что как это должно было быть несправедливым, когда чья-то жизнь по нелепой случайности умещается в ворохе следственных бумаг, в одной взятой папке.

«Из показаний свидетеля Гильштейна.

Я отдыхал с семьей на берегу Лесовки 15 апреля. Кроме нас было еще несколько человек, которые оказались в этом месте, как я полагаю, чтобы устроить пикник. Время для пикника было самое подходящее, о чем я несколько раз сказал своей жене Люсе. Люся тогда серьезно поспорила со мной и сказала, что не разделяет моего взгляда на пикник.

Пикник, по мнению моей жены Люси, серьезное мероприятие и к нему надо готовиться заранее, а не так, как мы, «с бухты-барахты».

На этой почве мы поспорили и даже немножко поругались. Чтобы не вступать на путь большого конфликта, я сделал вид, что собираюсь прогуляться по берегу. Я позвал Вилли с собой. И мы с собакой пошли. Я сразу решил, что Люся успокоится, когда мы пройдем расстояние до ближайшего мыска, где река делает поворот, и вернемся обратно. По моим прикидкам нам было достаточно 30—40 минут.

За мысом я и Вилли увидели перевернувшуюся машину. В машине находилась молодая женщина, как потом оказалась прима местного музыкального театра Засухина, а чуть поодаль, метрах в трех-пяти лежал молодой человек, как оказалось, художник Спицын. Последний, как мне показалось, был без сознания. Выше этого места, метрах в пяти, проходит дорога. Склон небольшой, но достаточный, чтобы при небрежном вождении не справиться с управлением, скатиться вниз или вылететь с дороги на береговую линию.

Я побежал к дороге и стал останавливать проходящие машины. Приличных водителей оказалось много и вместе мы организовали первую помощь молодому человеку и попытались освободить из покореженного авто девушку. На наше счастье одним из помощников оказался врач. Он быстро установил, что девушке уже не поможешь, тем более что вытащить ее самостоятельно из покореженной машины мы

не смогли. Он стал приводить в сознание молодого человека, а я побежал вызывать полицию и спасателей – через дорогу был магазин и телефонная кабинка.

Когда я вернулся, то увидел, что у перевернутой машины на коленях стоит молодой человек и плачет. Я сделал вывод, что он родился в рубашке, а синяки и ссадины быстро заживут.

К этому времени к месту трагедии пришла моя жена Люся, обеспокоенная моим долгим отсутствием. Увидя все происшедшее, Люся заплакала и стала обнимать и целовать меня и гладить Вилли, чем вызвала, как мне показалось, добрую улыбку у врача.

Потом приехала полиция и спасатели, оцепили место происшествия и стали выполнять свою работу. Меня попросили написать все, что я видел по существу. Я и Люся выполнили просьбу Льва Михайловича, который представился следователем. Больше по данному вопросу мне добавить нечего».

Далее шли показания других свидетелей. Селина быстро пробежала их. Ничего интересного. Практически все рассказал Гильштейн.

Ага, а вот и врачебное заключение. Смерть наступила в результате многочисленных травм. Машина хотя и шла на нормальной скорости, но, вылетев с трассы, несколько раз перевернулась. Ремнями безопасности как всегда пренебрегли.

Так, девушка незадолго до аварии перенесла роды? Вот

это уже интересно. Кто муж?

Селина пролистала все дело, но об этом не было ни слова.

Стоп! Справка из паспортного стола: Засухина проживала в квартире одна. О муже ничего не сказано. Может быть, не прописан? Разведена? Внебрачный ребенок?

Ага, вот материалы допроса директора театра. Пела. Прекрасно пела, подавала большие надежды, работала стабильно. Мечтала о большой семье, часто говорила, что выйдет замуж и нарожает кучу ребятишек. Ни слова о муже. Скорее всего, официального брака не было, установить это достаточно просто. Спицын за рулем... Селина усмехнулась. Вероятно. Вполне вероятно, у них были отношения. При этом Спицын был уже женат и у него, как сказала Марианна, был ребенок.

А можно ли предположить, что Засухина родила от Спицына? Почему нельзя, скорее всего, так и было. Возможно, Спицын не хотел этого ребенка и попытался таким образом решить возникшую проблему? Подозревать Спицына в том, что он виновник ДТП? Это вряд ли. В конце концов он сам был в машине. Несчастный случай? Все указывает на то.

...В это же самое время Вигдор был в мастерской у Савелия. Часы показывали десять. Конечно, зная, как поздно укладывается художник, Вигдор в другой раз бы пришел позднее, но то, что увидел Вигдор в запасниках музея, требовало обсуждения.

Вигдор долго звонил в дверь, пока, наконец, не слыша-

лись шаги. Дверь открылась, Савелий предстал с закрытыми глазами, чуть раскачиваясь, так, что могло показаться, будто Савелий спит на ходу.

– Художника обидеть может каждый, – почти прошептал он, продолжая раскачиваться. – Ну зачем такие издевательства? Переворот в Союзе художников, а может быть, весь город улетел на Марс? Вигдор, ты палач.

– Да я такое видел!

– Господи, ну что такого ты мог видеть, если Мадонна по-прежнему висит в Лувре, а храм Василия Блаженного стоит на своем месте в столице нашей Родины.

– Я видел Адель.

– Господи, так рано, у вас уже роман?

– Я видел ее в запасниках музея.

– Господи, вы теперь прячетесь по подвалам музейных хранилищ. Это возбуждает?

– Я убью тебя, художник. Проснись! Я видел портрет женщины, как две капли воды похожей на Адель!

– Господи, я не рисовал. Это не я... Постой, постой.

До Савелия, который все еще находился в полудреме, стали пробиваться какие-то слова и смыслы Вигдора.

– А почему Адель? Кто мог рисовать Адель и зачем музей покупает картину с Аделью. Бред какой-то...

– Картину нарисовал Спицын со своей возлюбленной оперной дивы Засухиной. Но эта Засухина точь-в-точь Адель. Ты понимаешь, что это значит?!

– В такое время суток я, честно говоря, соображаю плохо. Может быть, порция кофе вернет меня к жизни.

...Савелий пил кофе и параллельно рассуждал вслух.

– Итак, что мы имеем. Ты пошел в музей. В музее ты увидел картину Спицына. На картине Спицын написал певицу Засухину. Засухина как две капли воды похожа на Адель. Что из этого следует?

– Это ты меня спрашиваешь, что из этого следует? Савелий! Ну хорошо, я думаю, что из этого следует, что Адель либо дочь, либо родная сестра Засухиной. Если она дочь, то, возможно, отцом ее был Спицын, а если сестра...

Адель рассказывала мне о матери, которой нездоровится, а о сестре, тем более оперной певице не упомянула ни разу.

– Действительно, странно. Я тоже ничего не слышал о сестре, если таковая была, но даже и подумать не мог о ее родстве со Спицыным.

– А он сам хоть раз видел Адель?

– Это вряд ли, он не работает с натурщицами. Много лет рисует только город и все.

– Сплошные загадки.

– Может быть, поговорить с Аделью?

– Нет, дорогой мой Савелий. Пока никого не будем тревожить своими открытиями. Вначале сделаем попытку разобраться сами.

– Вигдор, я ума не приложу, куда бежать и с кем говорить, чтобы что-то прояснить.

– Бежать не надо. Нужно сходить в музыкальный театр, где работала Засухина. Не может быть, чтобы никто ничего не знал. Ну и в роддом, конечно, есть смысл заглянуть. Их в то время было всего два. Уж если тут есть какая-то тайна, не может быть, чтобы кто-то не захотел поделиться о ней.

Глава восьмая. Майков начинает действовать

За 27 дней до судебного процесса

Майков проснулся в отличном настроении. Вчерашний ресторанный ужин дал повод начать новое дело, хотя пришлось помучиться с Федяем, пока дотащил его до вахты института, где его мамаша работала вахтером. В какой-то момент он даже засомневался, стоит ли дальше «раскручивать» это дело. Жена известного художника работает вахтером? Сын очень смахивает на недотепу и начинающего алкаша. Все ли в порядке у самого художника? Но, поразмыслив, подумал, что стоит. Тем более что ничего подходящего и не предвидится пока. Собственно, план очередной аферы, которую он с ходу придумал еще там, в ресторане, по обрывкам фраз, услышанных от Федяя, личности и успешные граждане в этом деле были совершенно необязательны. Достаточно было следовать его указаниям и строго выполнять их.

Майков был виртуозным мошенником и, следовательно, имел собственную систему работы над такими делишками. Он легко мог бы защитить даже диссертацию, ибо эмпирического материала у него накопилось предостаточно, а та фи-

лигранная, можно сказать, выверенная матрица, по которой действовал Майков, хотя иногда и давала сбои, в большинстве случаев приносила вполне выгодный результат.

Любая афера Майкова строилась на законе, точнее, на его несовершенстве. Это позволяло ему действовать легально, занимать сильную позицию, а если он понимал, что это «не его день», то отступал также под прикрытием закона. Ибо несовершенство всегда позволяет рассуждать, прикидывая «с одной стороны, с другой стороны». В данном конкретном случае, который Майков для себя обозначил как «Дело о натюрмортах», им был сделан скорый, но многообещающий вывод: писатель и художник-оформитель при подготовке книги получили устное согласие художника использовать несколько его офортов в качестве иллюстраций. Но согласие художника на такое использование ничем не подтверждено, а значит, есть все основания заявить о нарушении его авторских прав.

Если договора нет, а истец настаивает на причиненном вреде, стало быть, нанесен финансовый и моральный ущерб.

Но любой хороший закон уязвим с точки зрения его применения. Ведь чтобы справедливость восторжествовала, следует предъявить немало бумаг, прямых доказательств, свидетелей и пройти многочисленные судебные процедуры. Спицын не может просто так потребовать и получить деньги за нарушение авторских прав. Он должен определить «вес» ущерба, доказать его реальность и т. д. и т. п. А поскольку

о возможности получить деньги с писателя и оформителя Спицын и не думал, то и путей к ним он, разумеется, не знал.

Но в игре с законом, несмотря на веские, железные основания возместить ущерб в ходе судебного процесса, возростала и уязвимость Майкова. Ведь состряпанные им вполне законные требования обязательно должны были быть обставлены кучей договоров, заявлений и прочими бумажками, которые докажут, что ущерб есть. Но любая такая правильная «стряпня» спустя месяцы после открытия «дела» — всего лишь подлог...

Майков, наспех перекусив, стоял перед большой интерактивной доской и чертил схему действий. По мысли его обвинение будет строиться так.

Он уговорит Федяя заставить папашу написать заявление в суд и потребовать компенсацию за использование его рисунков. Сто тысяч евро в переводе на рубли будет нормально, чего мелочиться. Фирма, которую возглавлял Чижевский, поди не разорится, а в следующий раз владелец станет умнее.

Дальше начнется досудебный торг, и он, Майков, согласится уступить тысяч пятьдесят. И это будет замечательный результат, ибо он, Майков, был просто уверен: все решится до суда. Факт публикации рисунков налицо. Договора нет, а все люди интеллигентные, не желающие огласки и сплетен.

Если все-таки дело дойдет до суда, то органу правосудия дело престанет в таком виде: еще давно художник Спицын

заключил договор с господином №. Он передал ему все права распоряжаться многими своими работами, в том числе рисунками, которые попали в книгу Чижевского. Распоряжаться означало любые действия – продать, издать, обменять. В договоре черным по белому будет записано: если Спицын без согласия господина № опубликует хотя бы один из рисунков или использует фрагмент любого в оформлении книги, он выплатит № неустойку в размере сто тысяч евро. Коли Спицын обязан будет выплатить неустойку, ему ничего не остается, как подать в суд на Чижевского персонально и его компанию. Два иска – две суммы.

А что же №? №, разумеется, никаких картин в реальности не покупал, не оплачивал, он и Спицына-то в глаза не видел, а договор подпишет за символическую плату в несколько тысяч рублей и будет счастлив, что заработал на голом месте.

Дело настолько очевидное, нарушение закона об авторских правах столь явное, что Майков был просто уверен в скорой победе. Единственное, что еще не решил до конца Майков, на сколько денег он «кинет» самого художника.

...У Майкова была дорогая квартира в престижном районе города. Был и кабинет, в котором он работал. В прямом смысле, конечно, эту комнату кабинетом назвать было трудно, но свое личное пространство каждый обустраивает соответственно вкусу и удобству. Кабинет Майкова выглядел так: посередине стояло два круглых стола, которые разделяла боль-

шая современная интерактивная доска. К ней был подключен компьютер. Майков «рисовал» на доске схемы каждой операции с одной стороны. А на другую «лепил» всю необходимую для этого же дела информацию на бумаге. За каждым столом стояло большое массивное кресло. А больше в этом кабинете не было ничего. Тяжелые шторы плотно закрывали свет, отгораживая Майкова от улицы.

Если взглянуть на ту часть доски, которая была уже испещрена стрелочками и надписями, то можно было бы легко представить, куда и как предполагает двигаться Майков в деле, которое он назвал «Дело о натюрмортах». Причем тут натюрморты, ведь Спицын рисовал улицы города и превращал их именно в офорты? «Несущественные мелочи», – сказал бы Майков, для которого не существовало разницы между художественным жанром и техникой исполнения. Просто ему показалось, что «так» звучит лучше. В любой афере, свято верил он, тоже должна присутствовать гармония. Не случайно две стены в кабинете Майкова были заставлены книгами – исключительно детективами. Если разобраться, то Майков был героем мошеннического труда. Он перечитал практически все доступные книги разоблачения, где таких как он, Конан Дойл и Эдгар По, Агата Кристи и Деймс Чейз, Рекс Стаут и другие выводят на чистую воду. Майков читал и перечитывал эту классику не за завтраком, не на лежаке у теплого моря, не в попытках между перелетами. Он делал это с карандашиком, подчеркивая и выписывая что-то важное

для себя. Так что классические схемы организации преступлений Майков изучал на лучших примерах всех времен и народов.

...После размышлений и прикидок Майков придумал следующий план действий.

Через Федяя он выходит на Спицына и под обещание получить хороший куш уговаривает его начать игру. После чего Спицын напишет претензию Вигдору Чижевскому, где объявит себя потерпевшей стороной. На самом деле претензий будет две: частному лицу Чижевскому и его компании. Их содержание Майков уже придумал.

«Директору компании «Светлые просторы»
Чижевскому Вигдору Борисовичу
Уважаемый Вигдор Борисович!

Друзья по случаю дня рождения подарили мне Вашу новую книгу – энциклопедию «Истории старого Лесовска». Интересное красочное издание, открыв которое, я увидел на его страницах свои работы. Список прилагаю. Со мной использование моих работы Вы почему-то забыли согласовать. Я постоянно проживаю в городе, и Вам не составило бы труда решить вопросы авторства. Размещение моих произведений в печатном издании без моего разрешения является прямым нарушением моих авторских прав как художника и автора работ. Мне хотелось бы узнать, как такое было возможно в наше просвещенное время. И хотелось бы получить от Вас письменное разъяснение о том, каким

образом моими работами оформлена и украшена ваша книга без моего на то согласия.

Заслуженный художник Спицын Александр Петрович»

«Директору Агентства «Светлые просторы»
Чижевскому Вигдору Борисовичу от Спицына
Александра Петровича

ПРЕТЕНЗИЯ

Вашим Агентством была издана книга «Истории старого Лесовска». Автор Чижевский В. Б. В данной книге без моего на то согласия и соответственно без заключения договора на передачу авторского права были в качестве иллюстраций помещены мои картины.

Считаю, что данные действия агентства являются грубейшим нарушением ст. ст. 1255,1256,1259,1265,1266 ГК РФ. Ст. ст.5,6,7,9,15,16,30,31,48 в редакции Федерального закона от 20.07.2004. №72 ФЗ и ст.146 УК РФ.

Учитывая вышеизложенное и руководствуясь п.2 ст.49 ФЗ №72 от 20.07.04 г., считаю возможным со стороны агентства урегулировать данный конфликт выплатой компенсации в размере 100 000 евро и принесением официальных извинений.

В случае, если в течение 30 календарных дней я не получу официального ответа по данной претензии, я буду вынужден на основании ГК РФ и ФЗ «Об авторском праве» обратиться в суд».

После заявления Майков созвонится и встретится с Ви-

гдорм и предложит решить дело мирным путем. Сто тысяч евро будет начальным посылом. Во время переговоров Майков будет готов опуститься тысяч на пятьдесят.

Если Вигдор откажется, начнется суд. И это для него, Майкова, не лучший вариант по многим причинам. И потому он пока не думал о материалах для судебного процесса, а что, собственно говоря, он сможет предъявить суду. На доске этого ничего еще нет. «Это» пока еще только у Майкова на уме.

А пока пора начинать игру. Точка отсчета в ней визит к Федяю.

...Федяй открыл дверь, не спрашивая «Кто там», «Вам ко-го» и иных подобных вопросов. Видок его не мог не вызвать сожаления после вчерашней «встречи» с приятелями, которую сам Федяй называл «Бла-бла-бла пати».

Майков без особого приглашения переступил порог, и еще какое-то время они стояли молча в предбаннике как будто изучали друг друга. На самом деле Федяй с утра еще плохо соображал, кто этот человек, который пришел вот так запросто.

Но вот, кажется, Федяй стал «догонять».

– Эээ, проходи. На кухню проходи.

– Мальчик, перестань тыкать. Запомни, я твоя скорая помощь, а эта служба работает по экстренным вызовам. Тебе давно уже надо было обратиться за ней и как можно вежливее. Вежливость делает нашу жизнь более активной. Люди

склонны к доброте и чувству локтя.

Федяй поморщился от высокопарной тирады.

Кухня, на вкус и взгляд Майкова, оказалась местечком малоприятным. Но Майков сделал вид, что не замечает весь этот пейзаж из немытой посуды, горы окурков, разнокалиберной стены чашек и тарелок и прочего разбросанного домашнего скарба.

– Вот, значит какое дело, Федяй. Ты вчера очень просил о помощи. Я человек отзывчивый и соглашусь помочь твоей семье. Суть моего предложения такова. Твоего отца подло обманули воротили полиграфического рынка. Взяли без разрешения и без договора художественные работы, украсили ими книгу, которая после этого пошла на ура и была продана. Теперь нужно восстанавливать справедливость. Ты сам или с отцом напишешь заявление в суд. Вот тебе образец. – Майков положил на свободный уголок стола заявление, – где вы просите оградить вас от наглых посягательств акул капиталистического рынка. Далее. Вы делаете нотариально заверенный документ – доверенность, в котором прописано, что я, Майков, являюсь доверенным лицом твоего отца и от его имени веду все дела, связанные с ущемлением его авторских прав. Вот вам копия этого документа.

Теперь устно и без бумажек. Если я выиграю дело, а шансы достаточно велики, вы получите 20 процентов от всех отсуженных денег. Думаю это что-то порядка тридцати тысяч евро. И будет всем нам хорошо.

Федор поморщился.

– Маловато, однако. Всего 20 процентов, притом что картины наши.

Майков откровенно презрительно поглядел на Федяя.

– Судя по всему, никто ничего у вас не украл. Высокое искусство осталось при творце. Так что деньги, можно сказать, из воздуха. Пока вы будете дрыхнуть до обеда и рассуждать о бесцельно прожитых годах, как истинные интеллектуалы, мне придется каждое утро обливаться холодной водой, дабы выглядеть бодрым и здоровым, встречаться с разными людьми, не всегда приятными в общении. Вот, ты, Федяй, хоть раз в жизни общался со следователями, прокурорами, операми, налоговыми инспекторами? Мне придется искать свидетелей и писать несуществующие договора, брать на себя все риски, которые, увы, никуда не денутся из этого дельца. Так что с неба вам падают неплохие деньги. Обсудите, конечно, все в семейном кругу. Но что-то подсказывает мне, вы примете правильное решение. Набери меня, Федяй, до ужина, ибо во время него я предпочитаю не отвечать на звонки деловых партнеров. Работа должна приносить радость, Федяй, ведь так? И удовлетворение, чтобы хотелось снова и снова браться за дело.

Майков с нескрываемым презрением посмотрел на Федяя. Тот сидел на табуртке, склонившись к столу и молча поднимал и опускал чайную ложку в стакане с остывшим чаем. Ему ничего не хотелось отвечать Майкову. Хотелось

денег, хотелось, чтобы что-то произошло и вмиг все изменилось: эта прокуренная квартирка, доставшаяся от бабки, приобрела вид нормального жилья, куда не стыдно было бы привести Светку, и чтобы его восстановили в институте.

Светка бросила его еще месяц назад, сказала, что опустилась с ним на дно, а это не в ее планах. Он загулял и так и не смог перевалить третий курс. Нужно было восстанавливаться и платить за это деньги.

Вообщем, Федяй катился вниз и слабо пытался остановить или хотя бы притормозить падение. И куда-то подевались даже те, кто день и ночь советовали, как жить правильно и лучше.

Федяй заплакал. Но не от горечи и обиды, а как-то все получилось самопроизвольно, без особого напряжения. Подумал и заплакал, заплакал и перестал думать вовсе.

Обещанные Майковым деньги очень быгодились в возвращении его, Федяя, к нормальной жизни. Он восстановится в институте, вернет Светку и будет стараться работать. Ведь руки у Федяя хорошие, мастеровые. Он мог ими пилить и строгать, резать по дереву, превращать обычную медную заготовку в самый настоящий антиквариат, мог придумывать товарные знаки, оформлять книги. Да мало ли что может делать сын художника!

Деньги, обещанные Майковым, вдруг оказались водоразделом между гибелью и возрождением.

...Разговор с отцом не клеился. Спицын при всем сво-

ем неуживчивом и вспыльчивом характере прежде старался не подличать и за ним закрепилась слава человека с нейтральным мнением. Как-то само собой сложилось, что никто не обращался к нему за помощью, да и он сам привык все решать за себя. Он приспособился к старому времени, а с новым совладать никак не получалось. От былой спокойной, понятной и в общем-то сытой жизни не осталось и следа – одни долги и унижение. Ушли крупные социальные заказы, и никто и не горел желанием тратиться на высокое искусство. Работы стали покупать плохо, если бы не заграничные туристы, которые по дешевке скупали картины, то самый раз отправляться на паперть. Вот и жене Нюсе пришлось пойти на работу. Их пенсии уже не хватало на прежние статусные поездки на юг, путешествия на пленэры. Да еще Федор, который, кажется, катится по наклонной: не работает постоянно, гуляет, бражничает, словно у него нет никаких обязательств ни перед кем.

А тут такой случай с этой книгой Чижевского – деньги и по закону. Ну и что ж, что когда-то он разрешил использовать свои работы для оформления книги. Могли хотя бы на презентацию позвать, оказать уважение.

А Савелий в прошлом месяце «спалил» все лампочки на площадке и он, Спицын, уважаемый человек, был вынужден самолично менять их. Они тогда крепко поругались. И потом, кто они ему? Сват? Брат? Даже не седьмая вода на киселе! Чужие люди!

Спицын размышлял обо всем этом и в нем время от времени просыпался человек совестливый, попавший между молотом и наковальней. Спицын уже плохо слышал, о чем говорит Федор. Быстро уловив главное, он как бы раздвоился и где-то там, на внутреннем ринге его сознания, сейчас шла яростная битва двух Спицыных – хорошего и плохого, злого и доброго, уступчивого и упертого.

И время от времени, пытаясь наблюдать за собой, что называется, «изнутри» или «со стороны», он ловил себя на мысли, что ему уже многое не под силу: прощать, не замечать чужих слабостей, уступать, пытаться найти середину даже там, где она очевидна. Нашлось и оправдание: кто ж виноват, что жизнь пошла такая, что наступили лихие капиталистические денечки.

– Федор, остановись, не части, – Спицын похлопал сына по плечу. – Давай, сынок, пиши это заявление, все подпишу. Может, и нам повезет, вернем часть утраченного. Раз уж так твой приятель уверен, что дело правое, чего нам сомневаться. Мы люди творческие. Мы деньги не умеем приумножать, нас частенько обманывают. Только одно условие: меня по судам да следствиям не таскать. Пусть твой умник отрабатывает.

– Это правильно, отец. Раз взяли без спросу, пусть ответят по закону. Такой случай выпал.

– А не маловато ли двадцать процентов? Может, накинет твой адвокат еще немножко? Мы бы с матерью отдохнуть

съездили, а то она на вахте своей умаялась совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.